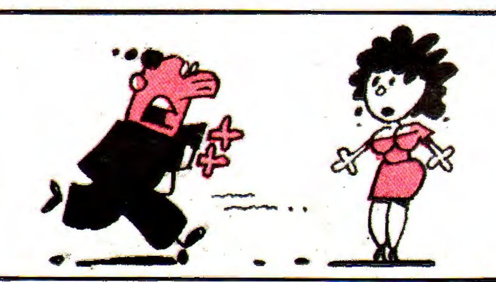
ISSN 0130-2671

КРОКОДИЛ

№ 4 ФЕВРАЛЬ 1991

СЛАВА БОГУ, «ЛЮФТГАНЗА» ЛЕТИТ!

В. МОЧАЛОВ.

Советские девушки для ночных клубов Европы?

Стр. 10.

КРОКОДИЛ

№ 4 (2698)
февраль 1991

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

Учредители: трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил» и издательство ЦК КПСС «Правда».

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

Редакция не рецензирует присланные литературные и изобразительные материалы. Рукописи объемом меньше 2 печатных листов не возвращаются.

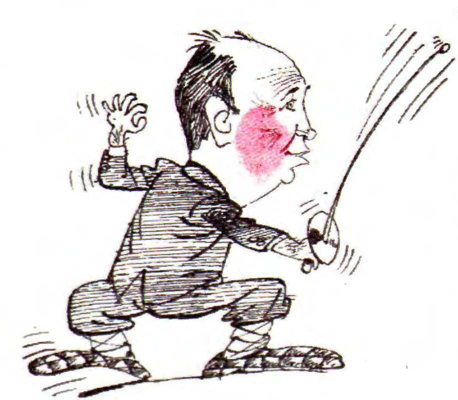
НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-15-47,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 02.01.91.
Подписано к печати 09.01.91.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 2 660 000.
(1-й завод: 1—2 109 992).
Зак. № 26.
Цена 75 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО: «МЫ НЕ ДОЛЖНЫ ЗАНИМАТЬСЯ ХАРЧАМИ».

— Юрий Дмитриевич, кто ж наш народ накормит? Неужто Запад?

— Никто. И никогда.

— То есть как?

— А так. Знаете, накормить можно скот, можно накормить зэков, жена может накормить мужа, мать — ребенка, но накормить... народ?! Это — безумие! Это невозможно. Такого не бывает. Разве можно накормить свободных людей? Бред! Свободный человек может, если ему надо, накормить себя только сам — сколько может, сколько хочет. По одежке будет протягивать ножки, но сам. В самой постановке вопроса — давайте, мол, накормим народ — заключен зэковский подход, подход агроГУЛАГа, зэковское мышление...

— Как же тогда воспринимать все эти западные подарки?

— Как унизительные подачки людям-рабам. Мы — рабы! Это просто оскорбление для нас, я считаю. Когда они обдирали нас, вынуждая расплачиваться нефтью, в этом не было еще человеческого унижения — ну, что ж... такая мы страна, и они, капиталисты, такие уж, какие есть, такой у них строй, что поделаешь, таковы законы экономики... А когда они нам ДАРОМ ДАЮТ ЕДУ — это уже полный люмпенс!..

— Что ж нам, помирать с голоду?

— И помрем, если рабы!.. А чтоб не помереть, надо как можно скорее отдать землю крестьянам в частную собственность.

— А может, не дразнить гусей? И передать землю не в частную собственность, а в вечное пользование? Какая разница-то?

— Если не дразнить гусей, то никаких гусей и не будет... А разница — огромная. Такая же, как между... сожительством с прелестной дамочкой и законной женитьбой. В первом случае — никакой ответственности, может приехать муж, начистить тебе ряшку... А во втором — семейная ответственность за выращивание детей, укрепление общего хозяйства. Здесь все надежно — и юридически, и экономически. А там все шатко, все на ниточке: сегодня дали вам этой землей пользоваться, а завтра — отобрали... по «государственным» соображениям: допустим, дорогу решили через ваш участок провести — и все дела. Никаких гарантий. И еще: в браке подлинном, законном **накапливается** богатство в доме, а в романчике «на стороне» богатство **тратится** — нужно ведь погулять и т. д.

— Но закон сам по себе тоже ведь не накормит...

— В итоге накормит! И российские депутаты поняли это, когда приняли его на своем 2-м Съезде. Хотя и с поправкой. Закон нужен для того, чтобы ни вы, ни я, ни парламентарии никогда больше ХАРЧАМИ НЕ ЗАНИМАЛИСЬ. Не наше с вами это дело! Пусть работает экономика. Автоматически. Тогда и накормим себя сами. А не будем надеяться на подарки с Запада.

— А на том же российском Съезде делегатам, однако, дали-таки по западному подарочку. И ничего, а?..

— Ну это ж совсем другое дело! **Духовная** пища. Подарки к Рождеству Христову от имени христиан Германии: Библия, Ветхий и Новый завет, потом «Детская Библия», еще книжка о семейных принципах... ну, в общем, культпросвет. Библия — это вещь! У меня их, правда, теперь много: я прежде их воровал в гостиницах Запада. На английском, конечно, но читать можно. А теперь вот на русском подарили. Какая ж это подачка?!

— Понял, Юрий Дмитриевич. Святое дело!..

Делал выпады и принимал уколы Григорий КРОШИН.

Р. САМОЙЛОВ.

ЧИТАТЕЛЬ ВЗВОЛНОВАН

КОМУ БУБЛИК, КОМУ — ДЫРКА ОТ БУБЛИКА

Я вышел на пенсию, но связь со своей организацией УМ-4 треста УИСС «Братскгэсстроя» не теряю.

Перед октябрьскими праздниками зашел я в родное предприятие, в котором проработал чуть ли не всю жизнь, а там продают говядину (килограмма по три). В месткоме объяснили, что мне говядины не положено, так как я не работаю на производстве.

А еще через несколько дней нас — ветеранов — собрали и раздали медали «Ветеран труда».

5 ноября опять продавали мясо и опять только тем, кто работает. Мы, ветераны, обратились к начальнику управления, в постройком, к секретарю партбюро с просьбой обменять наши медали на мясной паек — бесполезно.

Вот и получается: кому — бублик, а кому — дырка от бублика.

М. ГАЛИН, пенсионер,
г. Усть-Илимск.

И ТУТ ПЕРЕСОРТИЦА

Речь пойдет о деньгах. О двух рублях.

Но все по порядку. Живу я в Карелии. Работал печником в совхозе, да приболел. В райбольнице, спасибо, подремонтировали; при выписке выдали бумагу, что мне нужна работа умеренная. Предоставили работу сторожа с окладом 2 руб. 78 коп. за 8-часовой рабочий день. Посчитав, что такой оклад ниже самой низкой черты бедности, я стал по силе моих возможностей подрабатывать в жэках, где раньше работал, выполняя заявки населения. Стал получать в день еще 2—3 рубля. А теперь — о сути.

Договоримся с тобой, дорогой Крокодил, так: возьмем из 2 руб. 78 коп. один рубль и назовем его Первым рублем. Из 2—3 рублей возьмем тоже один рубль и назовем его Вторым рублем. Так вот на Первый рубль мне начисляется районный коэффициент, северная надбавка, он входит хозяином в мой средний заработок. Получается, что этот рубль — первый сорт. Второй рубль имеет только районный коэффициент, и в средний заработок его не пускают. Он второй сорт? Хотя заработан не на Черноморском побережье Кавказа, а на тех же, что и Первый рубль, широтах.

При этом обрати, Крокодил, внимание, что Первый рубль не производящий, на Второй же рубль я что-то для людей произвожу. Уж не поэтому ли он и второй сорт? Абсурд?!

Живут эти два рубля порознь до того момента, когда начинается полоса вычетов. И вот тогда-то Второй рубль оказывается сверху, его дерут как сидорову козу, вычитая максимальный подоходный налог.

Кто до всего этого додумался? Бюрократ? Злейший эксплуататор? Посмотреть бы этому «кому-то» в глаза. Тоько бы посмотреть.

Да, вот еще что: в учениях Маркса, Энгельса, тем более Ленина об этих двух рублях ведь ничего и нет. Уж не высосал ли «кто-то» эту абсурдную пересортицу из своего же пальца? А может быть, у него уж и руки-то без пальцев и его не ругать, а пожалеть надо, предоставив пенсию и заслуженный отдых?

Только не пересылай, дорогой, это письмо в обком профсоюзов: мне оттуда уже пришло такое разъяснение, что и сейчас еще тошнит.

Г. БЕЛЯЕВ,
г. Медвежьегорск,
Карельская АССР.

ПРОЖИВЕМ!

Мы, комсомольцы 40—90-х годов, учителя Голотлинской средней школы Советского района Дагестанской АССР, воодушевленные перестроечными процессами, обращаемся к правительству и просим понизить нашу зарплату до 6—7 рублей. Остальную часть зарплаты будем перечислять в фонд поддержки перестроечных сил, которые могут их использовать с большей пользой для себя. Этих денег нам на еду вполне достаточно — 30—35 буханок хлеба. Что же касается питья, то воды сколько угодно несет река Аварское Койсу, которая протекает через наше село. И еще у нас прекрасный горный воздух, который пока еще не успели испортить. Итак: имеются хлеб, вода и воздух. Что же нам еще надо?

Не скрою, когда мы обсуждали это обращение, в нашей среде нашлись некоторые несознательные элементы, которые помечтали о мясе, масле, макаронных изделиях... Но мы их поругали, и они обещали забыть о существовании этих продуктов. И правильно!

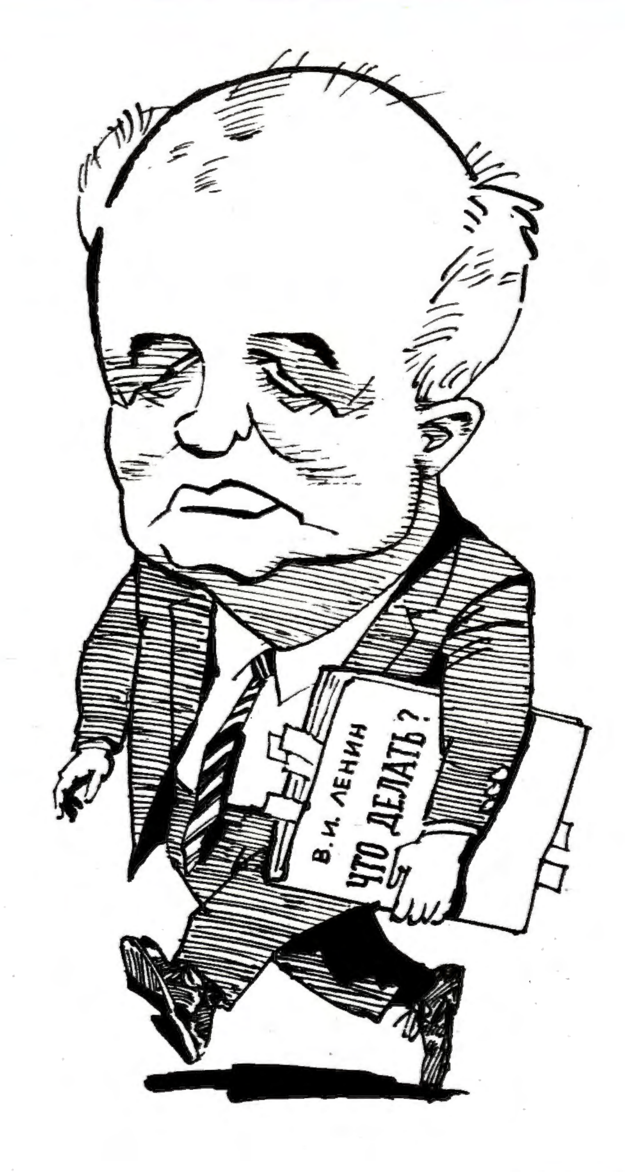
Еще один учитель-пенсионер — комсомолец 40-х годов — стал бормотать, что в годы войны и послевоенные больше заботились об учителе. Но мы ему дали понять, что это были годы сталинизма, мрачные годы истории. Он тоже смолк. И это правильно.

Единственное, что нас немного волнует, чтоб хлеб продавали на наши советские деньги, ибо среди населения ходят слухи, что скоро хлеб будут продавать за валюту, а ее у нас нет. Но и эти волнения мы преодолеваем и всем говорим: «Будьте спокойны и не поддавайтесь панике!» И народ верит нам, сельским учителям — агитаторам, пропагандистам, лекторам. И правильно!

А еще мы просим нас поддержать вот почему: поскольку перестройка открыла широкие двери религии и милосердию, нас, сельских учителей, религиозные лидеры зачислили в разряд самых обездоленных и предложили населению проявлять к нам милосердие — подавать милостыню. Так что проживем!

По поручению учителей
обращение составил А. ДАУДОВ,
завуч школы.

В ГОСТЯХ У «КРОКОДИЛА»

Шарж В. МОЧАЛОВА.

Какие бы ни приезжали к нам в редакцию зарубежные гости, они первым делом спрашивали:

— А шаржи на ваших лидеров вы публикуете? На Горбачева, например? Нет? Значит, гласность у вас ненастоящая.

— Да как-то нет у нас такой традиции,— оправдывались мы.

А потом подумали: как же нет?! А знаменитые шаржи Моора на Ленина? Гостили на наших страницах Маркс и Энгельс, Калинин, Бухарин, Луначарский...

Увы, традиция прервалась по не зависящим от Крокодила причинам на долгие годы. Но что мешает ее возобновить?

И вот Крокодил возрождает добрую демократическую традицию. И первым, естественно, шагнул на страницы журнала Михаил Горбачев: он начал, с него и мы начинаем...

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Продается годовалый бык с сеном и диваном».

(Из объявления).

«Особенно высоких результатов в труде добились в минувшем году доярки черно-пестрой породы».

(Из выступления).

Прислал В. Юров, Восточно-Казахстанская область.

«Чабан Безрукова в лицо знает каждую овечку».

(Из радиопередачи).

Прислал И. Муратов, г. Касимов.

«В связи с тем, что срок годности похищенных брюк истек, в возбуждении уголовного дела отказать».

(Из постановления).

«Слушали вопрос о ходе зимовки скота. Постановили: для повышения жирности молока обязать заведующих фермами строго по пятидневкам брать анализы от доярок».

(Из протокола заседания правления колхоза).

Прислал В. Васильев, Смоленская область.

Утебай САРСЕНБАЕВ

ВЫСЬ

Нельзя считать угодником святым
Того, кто смог подняться на вершину.
Пусть слава — дым, мы в памяти храним
Лишь тех, кто подвиг совершил, отныне.

Нельзя считать великим лишь за то,
Что смог бы оседлать успеха гребень.
Просеет время, словно решето,
И тех оставит, кто ему потребен.

А кое-кто считает мудрецом
Поднявшегося выше всех на свете.
Что ж, может даже вошь при всем при том
Высь покорить, не поумнев при этом.

УГОЛ ЗРЕНЬЯ

Под ошибкой, легкой, как пушинка,
Часто гнется добрый человек.
И народ дивится, что ошибка
Так за ним волочится весь век.

А порой злодею преступленье
Нипочем, разминка, трын-трава;
Все решает, видно, угол зренья,
И молва порою не права.

Перевел с каракалпакского
Виктор ШИРОКОВ.

Аза ПАВЛОВА

ЧЕРНЫЙ КОТ БЕГЕМОТ И КАМПАНИЯ (ВЫБОРНАЯ)

Замечено: как только начинаются неспокойные времена — в дела сограждан встревают маги и чудотворцы, начинаются небывальщина, чертовщина и прочие аномальные явления.

Недавно, говорят, в столице объявилась и незабвенная троица: Воланд, Коровьев и черный кот Бегемот. Событие это в отличие от других документально зафиксировано. Поэтому можем сообщить достоверные подробности. Более того, пострадавшие от проделок мерзкой троицы или просто желающие могут почитать документы.

А было такое явление народу в Куйбышевском районе 24 апреля и 15 мая. Аккурат в дни повторных голосований на выборах в местные Советы, когда кандидаты в депутаты выходили на финишную прямую и каждый голос избирателя был на счету.

Страсти при этом до того накалились, что горячие головы у некоторых стали как-то сами собой теряться.

24 апреля, например, под видом супругов Багаутдиновых бюллетени для голосования в округе № 26 были выданы... Мастеру и Маргарите. Думается, не без помощи черного котяры. Покачавшись на люстре в избирательном участке, он спустился и подтолкнул под руку одного из членов комиссии, который и выдал бюллетени вместо Багаутдиновых незабвенной парочке.

Возражения членов комиссии, что никто из них не видел качающегося на люстре кота и всем известных Мастера и Маргариту, мы легко опровергнем. Никто ведь не видел (и не мог видеть!) в тот день и час и Багаутдиновых. Они находились за тридевять земель под синим небом далекой Монголии. И если это не штучки воландовой братии, то почему рукой одного из членов комиссии против фамилии Багаутдиновых в списках на выдачу бюллетеней поставлено слово «да», что означает: «принял участие в голосовании и получил бюллетень»?

Особенно много подобных проказ совершено в округе № 55. Мы могли бы назвать десятки избирателей, за которых здесь голосовали мистификаторы. Причем события разворачивались самые невероятные...

Приходит, к примеру, избирательница А. Иванова, чтобы отдать голос за кого ей надо. Это бы и хорошо. Но она тут же вручает комиссии клочок бумаги, на котором рукой ее соседки написано: «Отпустить подателю сего бюллетеней сколько потребуется...» И подпись «Вера Федулова».

И, представьте, комиссия по этому клочку бумаги из ученической тетради без звука выдает Ивановой бюллетень для Веры Федуловой. А потом и еще три для других ее соседок. А это, согласитесь, аномалия, ибо Закон РСФСР о выборах требует личного участия в голосовании с предъявлением паспорта или иного удостоверяющего документа.

Но законы законами, а Иванова в чужих бюллетенях вычеркивает кое-кого по своему разумению и на глазах высокой комиссии опускает все пять бюллетеней в урну.

Если члены комиссии скажут, что и тут обошлось без проказ и на клочке бумаги не было предписания: «Отпустить подателю сего...», а было только два слова: «Вера Федулова», которые и произвели на них столь магическое воздействие, то я соглашусь с их возражением. Но при условии, что члены комиссии объяснят, каким образом без помощи потусторонних сил у них проголосовали еще и К. Антонова и В. Алышников. На участке они не появлялись. Паспортов или иных документов за них никто предъявить не мог, так как, по неподтвержденным данным, в мире ином, где, к сожалению, пребывают эти граждане, никаких документов не требуется.

Но и против факта ведь не попрешь. В списке на выдачу бюллетеней около фамилий усопших стояло магическое слово «да», то есть «явились», «получали бюллетени».

Можно биться об любой заклад: ни один член комиссии не признается, что это он написал короткое словцо, подтверждающее его связь с загробным миром. Или что он попал под влияние шалостей нечистой троицы. Но если члены комиссии все-таки докажут, что троица и в этих случаях ни при чем, то я соглашусь и с этим.

Значит, она проказничала в других округах (34, 26 и 144), где также голосовали усопшие А. Заруцкий, В. Круглов и Н. Минаева.

Были, были и иные шалости на выборах, о чем избиратели написали в мандатную и избирательную комиссии райсовета.

Согласитесь, что независимо от того, кто **создал такие аномалии**, они в конечном итоге бьют по каждому из нас. Ведь кому-то из кандидатов в депутаты достались голоса избирателей, которые на самом деле такую волю не выражали. Вполне допускаем, что счастливчики — кандидаты — ни сном ни духом о том не ведали.

Но, оказывается, были и такие, что вместе со своей командой, подобно членам комиссий, подпали под влияние зловредных сил и действовали не совсем корректно. Вот, скажем, команда кандидата, назовем его Икс, добивалась перевеса голосов методом «от противного»: всячески поносила «противного» соперника, допуская выражения явно непарламентские. Делалось это и в день выборов прямо на избирательном участке. И команда преуспела. Когда группу проголосовавших женщин доверенные лица обруганного кандидата, назовем его Игрек, спросили, за кого же они отдали голоса (вопросец тоже не из деликатных!), женщины не стали делать из этого тайны и сказали: «Конечно же, за Икс, ведь Игрек-то грубиян и пьяница».

И вот результаты голосования. Икс победил Игрека с перевесом всего в 18 голосов. Чисто гипотетически представим: а вдруг к Икс и попали голоса умерших и отсутствующих? И тех, кто поверил, что Игрек — плохой человек? Ведь речь-то идет об одном и том же округе.

Так что шкодливая кампания мистификаторов изрядно напакостила, совратив с пути истинного наверняка достойных наших сограждан, которые в пылу предвыборной борьбы малость подрастеряли хорошие свои качества.

Да что там говорить! Похоже, что даже в дела сессии вновь избранных депутатов, собравшихся обсудить доклад мандатной комиссии, встряли поганцы. Ну кто, как не они, мог навеять такие выступления некоторых депутатов: по нарушениям закона, о которых сообщил председатель мандатной комиссии В. Чернов, мер не принимать и считать, что нарушений не было. А вот работу комиссии признать неудовлетворительной и меры принять к ее председателю. Да еще и проверить его на всхожесть: как в его-то округе за него голосовали.

Когда-то, в седую старину, так и действовали: гонцу, который принес дурные вести, рубили голову. Мог бы поплатиться и Чернов. Если бы не председатель райсовета Е. Пантелеев, который предложил такой консенсус: «Качество документации по мере проведения выборов снижалось... сам факт недобросовестного отношения к оформлению материалов есть... Можно принять такое решение: мы утверждаем полномочия конкретных депутатов с учетом предоставленной нам информации».

Так и поступили. Хотя, признаться, совсем не ясно, что значит «с учетом предоставленной информации». Если с учетом, то ведь такая информация говорит о многочисленных и существенных нарушениях Закона о выборах. Как же можно считать, что их как бы не было? Похоже, что и председателя райсовета сбили с толку зловредные мистификаторы.

Правда, в беседе Евгений Алексеевич на это не ссылался, а объяснил найденный консенсус тем, что поезд уже ушел. «Если что-то было, на будущее учтем. Я, например, и сам за отсутствующую жену голосовал, согласовав с ней кандидатуру. Что касается председателя мандатной комиссии, то он человек объективный, но зациклился».

Видимо, под этим имелось в виду, что, отстаивая правильность выводов по выявленным нарушениям, Чернов направил материалы мандатной комиссии в районную прокуратуру.

Но не могли того знать председатель райсовета и Чернов, что и Воландовы пакостники, судя по всему, зациклились и, поспешая за Черновым, тоже нанесли визит прокурорам. Следствием этого явилось повисание в воздухе, нет, не черного кота, а... самой истории с мистификацией на выборах.

Внешне-то, конечно, все путем. Есть пухлая папка, именуемая материалами проверки. Но материалы — это и есть десятки заявлений избирателей и документы о фактах нарушения Закона о выборах. А вот самой проверки не было. В прокуратуре даже не побеседовали ни с заявителями, ни с председателем мандатной комиссии Черновым.

Вместо этого помощник прокурора юрист 1-го класса А. Бакуркин подшил две бумаги: стенограмму сессии райсовета и заключение райсовета, подписанное председателем районной избирательной комиссии А. Буторовым. Эти бумаги существуют в папке как бы параллельно с документами мандатной комиссии и никоим образом их не опровергают. О дебатах на сессии и выработанном на ней консенсусе речь уже шла.

По заключению же выходило, что «на результаты выборов... имевшие место нарушения и упущения в работе участковых избирательных комиссий влияния оказать не могли».

А. Бакуркин, переписав заключение, облек его в форму своего постановления. Справедливости ради заметим, что при этом первоклассный юрист прошелся рукой мастера по отдельным формулировкам и внес кое-что свое. К примеру, у Буторова читаем: «Устное заявление Хорунжего о том, что за него и жену голосовала соседка, никакого влияния на результат голосования оказать не могло».

Прокурор добавил к этому ядовитое словечко «якобы», и вот что получилось: «...Устное заявление избирателя Хорунжего о том, что за него и жену **якобы** проголосовала соседка, объективного подтверждения не нашло и влияния на результаты выборов оказать не могло». Теперь и ежу понятно, что прокурор сильно сомневается даже в том, что за Хорунжих голосовала соседка. Что касается «объективного подтверждения»: если бы прокурор его искал, то нашел бы... в своей папке. Там лежит **письменное** заявление Хорунжего, которое он наверняка подтвердил бы прокурору, как и автору этих строк.

Что ни говорите, а эластичные формулировочки очень могли бы обрадовать мистификаторов. Найти такую поддержку — и где! В органах, которые надзирают за соблюдением закона. **Воистину сапожник бывает без сапог.**

Если честно, то в таком же положении едва не оказался и автор. Пакостная троица, судя по всему, «достала» и его, нашептывая всяческие сомнения и оправдания случившемуся. А стоит ли, мол, раздувать кадило?

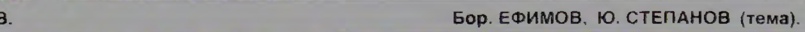
Но ох как стоит. А с какого по счету нарушения надо считать попранным Закон о выборах? Ведь провозглашенное верховенство Закона означает, что его нарушения не могут оправдываться никакими обстоятельствами и соображениями, вроде: «не повлияло», «поезд уже ушел» или «не стоит раздувать кадило».

Как ни крути, за «неучаствовавших» голосовали другие лица, выражая свою, а не их волю. Мы же сначала ратовали за многомандатные и свободные выборы. А теперь пассивничаем да занимаемся наплевизмом. Пусть, мол, дядя ходит на встречи с кандидатами в депутаты, изучает их деловые качества да голосует за них. Дядя, как видим, и голосует. А мы удивляемся: отчего это ломятся не полки в магазинах от товаров, а трибуны в Советах от ораторов. А удивляться нечему. Сами оплошали — сами и расхлебываем... Да если бы еще кашу! Куда там! На шестом году перестройки любая крупа, да даже и хлеб, попала в дефицит. Пора бы нам не только расхлебывать, но и извлекать уроки. Не за горами выборы в Верховный Совет страны. Проявим пассивность, передоверим свои голоса, недоглядим за их сохранностью, зловредные оборотни подсунут нам черного котяру в мешке, который может обернуться трибунным любителем политической трескотни, очередным ревнителем вечнозеленых принципов. И в итоге будем плести лапти, есть лебеду и жить в шалашах.

В. МОХОВ.

Бор. ЕФИМОВ, Ю. СТЕПАНОВ (тема).

В. ДУБОВ.

Ю. СТЕПАНОВ.

В. ЛУГОВКИН.

ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО...

(выпуск четырнадцатый)

Коллекционеры мудрых изречений, внимание! Перед вами еще одна, очередная порция парламентских откровений наших с вами избранников — народных депутатов Союза. Надо честно признать, что фиксировать «перлы» становится все труднее. Во-первых, потому, что избранники, штудируя скрупулезно наши публикации (а их уже обнародована, как вы поняли, аж целая чертова дюжина!), делают для себя посильные выводы и сами вовремя ловят себя на «ляпах», не дожидаясь, пока их подловит чуткое ко всему этакому крокодильское ухо. Во-вторых, по той причине, что пронырливых корреспондентов уже не всякий раз пускают в святая святых — в зал заседаний, даже на столь привычный балкон: видимо, из опасения, что они что-нибудь провокационное «подбросят» депутатам...

БОРОВИК Г. А. Насчет депутатских поездок надо очень серьезно разбираться. Кстати, мне рассказывал ответственный товарищ, занимающийся хозяйством, что в одной республике просто вопросы решать не с кем — все за границей...

•

ЖУРАВЛЕВ А. Г. Нам предстоит принять действительно очень серьезное решение. Но на Руси издавна говорят так: «Бог не выдаст, свинья не съест». Поэтому нам нужно взять ответственность на себя, взять банк в свои руки, а это значит — взять в свои руки власть. И да поможет нам Бог! Поэтому — с Богом!..

•

ИГИТЯН Г. С. Народ жалко! Во всех наших экономических и теоретических изысканиях надо помнить о нем. Не знаю, ходят ли депутаты на рынок, а я вчера посетил Ленинградский рынок в Москве. Страшно заходить...

•

ЮДИН В. Д. Товарищи депутаты, если исходить из предсказаний гороскопа, то мне сегодня соглашаться на выборы не следует, потому что у меня неблагоприятная неделя...

•

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ (Лукьянов А. И.). Товарищи, если я дам правительству времени на выступление больше, чем профсоюзам, то будущий съезд исключит меня из профсоюза...

•

ТЕЛЕГИН В. Л. Я имел разговор с заместителем генерального директора своего предприятия примерно следующего содержания. Он сказал: «Надоело барахтаться с вашим профсоюзным комитетом, вот подумываем, как создать свой профсоюз». А какой «свой»? Профсоюз работодателей против работников? Или профсоюз штрейкбрехеров, «прикормленных» администрацией?..

•

ДЕНИСОВ А. А. О правительстве. Я не вижу трагедии ни в отставке правительства, ни в том, чтобы его оставить на прежнем месте. Правительство вроде и существует для того, чтобы при случае отправлять его в отставку, потому что это наиболее гибкая, сменяемая часть в органах власти, на которую обычно «вешают всех собак»...

•

ПОСЛЕ ПОДЪЕМА НА «ПИК РОТОВА»

После того как в журнале №№ 22—24 за 1989 год был напечатан очерк Е. Гурова «Пик Ротова» (в нем рассказывалось о замечательном творчестве и трагической судьбе художника-крокодильца Константина Павловича Ротова), редакция получила много откликов. Авторы писем знали его и в счастливые, и в трагические периоды жизни.

Сегодня мы публикуем заметки его товарища по заключению.

Никита БУЦЕВ

СОЛИКАМСКИЕ ПОМИДОРЫ

...Я не могу вспоминать Константина Павловича без восторга в душе и сердце. Сказать о нем, что это чудесный человек,— слишком мало. Вот пишу я сейчас, а ком в горле так и бегает, так и дрожит... Даже думать больно.

Не обращайте внимания на мой почерк, так как у меня не только ноги не работают (я пишу в кресле-каталке), но и руки. Я закрепил три пальца резинкой, вставил туда ручку и пишу.

В конце лета 1947 года мы с Мишей Таничем (мы однодельцы) прибыли (вернее, нас прибыли) в Соликамск на пересылку. Отсюда зеков распределяли по лагерям на лесоповал.

Мы уже знали, что здесь действует «закон — тайга, прокурор — елка». Ясно было, что надо задержаться в комендантском лагере. Мы назвались художниками — все-таки один курс института с архитектурным уклоном!

Когда мы с Мишей Таничем попали в художественную мастерскую, нам на пробу дали задание. Были мы молоды, прошли войну и оттого, видно, смелы и нахальны. Миша взялся писать маслом портрет Молотова, а я копировал с открытки «Березовую рощу». Миша хотя бы видел, как пишут маслом, а я и не видел, как это делается. Не мне судить качество нашей работы, но Константин Павлович в мастерской нас оставил.

Накануне тридцатилетия Октября в мастерской была масса работы. Константин Павлович лежал в больнице, но до этого успел сделать эскиз Почетной грамоты, которой должны были награждать самых усердных гулаговцев. Не зеков, конечно.

Нам с Мишей предстояло сделать 30 грамот к тридцатилетию Октября. Все очень по-ротовски просто: красные флаги разных оттенков, в центре цифра «30» и прочие незатейливые атрибуты.

Дали нам рулон бумаги и полную творческую свободу. Срок — неделя!

Мы смело взялись за работу. С техникой отмывки мы знакомы. Акварель и кисти есть.

Прошел день, и ни одного флага, хоть чуть похожего на ротовский, у нас не получилось. Три дня бились, и никакого толку. Внутренне уже стали готовиться в тайгу — лес валить.

Ротову кто-то сообщил о нашей беде. И он велел прийти в больницу. Мы пожаловались на плохие кисти и акварель. Константин Павлович разрешил взять его кисти и краски.

Еще два дня бились, и опять без толку.

Снова пошли к Ротову. Он посмотрел на нас да так по-доброму говорит: «Это я виноват. Ведь есть такая техника — маслом по бумаге, тампоном в растирку по трафарету. Грамоты ваши будут не хуже моих».

Мы снова принялись за работу. Стало получаться. Константин Павлович нас хвалил, подбадривал, и задание мы выполнили.

Когда Мишу отправили на штрафной лагпункт, он вскоре прислал мне письмо. Были там и стихи:

Ели, ели, я вас еле-еле
От сосны когда-то отличал,
А теперь вы, ели, надоели,
Ели, елки-палки и повал.
Пусть гореть мне после
в преисподней,
Но презренье к елкам сберегу
И сынишке елки новогодней
Ни за что на свете не зажгу!..

Стихи эти нигде не печатались, да и сам Танич наверняка забыл их давно.

Однажды кто-то из художников под окном барака-мастерской, на солнышке, посадил семена помидоров. Они выросли, но были зелеными. И все, конечно, часто бегали за барак смотреть, как растут помидоры. (Конечно, и я бегал.) Ротов решил разыграть нашего «овощевода». Стал понемногу подкрашивать один помидор. Сначала в бурый цвет, потом поспелее. И как радовался посадивший и ухаживавший за помидорами! А Константин Павлович с Лебедевым все утро друг другу улыбались. А когда помидор совсем «поспел» и стал красным, хозяин сорвал его и принес в мастерскую. Все стали громко восхищаться и просить отрезать кусочек. Кто-то даже соли приготовил. И тогда хозяин торжественно разрезал помидор, и — о ужас! — это был крашеный помидор. Что было!

Как-то один большой лагерный начальник сделал художникам заказ. Не помню, чего именно он хотел, но помню, что работа была большая и сложная. По предложению Константина Павловича, художники поставили условие: необходим специальный рыбий жир. Для этого нужна пара килограммов хорошей селедки.

Гражданин начальник селедку достал и принес в мастерскую. Было это очень вкусно и очень кстати.

Заказ был, конечно, выполнен. И в срок, и качественно.

Зимой 1948 года много продукции выпускала игрушечная мастерская. Делались игрушки из папье-маше по эскизам Ротова. Это были чудесные игрушки. Таких сейчас не увидишь. И хотя это были традиционные зайчики, петушки, медведи и т.д., они были очень милыми. Веселые и грустные, хитрые и простодушные.

Константин Павлович показывал, как надо раскрашивать игрушки. И они получались похожими на зеков из художественной и игрушечной мастерских.

И «враги народа» узнавали себя или друзей по несчастью. То это оказывал-

КОСЫГИН В. В. Недавно на каникулах я встречался с избирателями. Одна пожилая женщина, говоря о речи Президента, сказала, что все похоже на корриду, когда тореадор с красным плащом дразнит животное да еще и колет его шпагами...

•

ГЕНЧЕВ А. А. ...Я понимаю, приятно ездить с визитами за границу, выйти из машины на улицах Вашингтона или Рима и пожать руки под вспышки фотоаппаратов прохожим. Это очень эффектно, и наш Президент кажется в это время большим демократом. А что бы ему здесь, в своей стране, в Москве, выйти из автомобиля без охраны, зайти в два-три магазина и пожать руки своим соотечественникам, стоящим в очередях! Уверен, что от этих встреч у нашего Президента впечатление будет гораздо ярче...

•

СУХОВ Л. И. М. С. Горбачев сказал: «Нужно от обороны перейти в наступление». Ну, извините, а не был ли Генеральный штаб во время обороны в кустах? Фронт уже передвинулся, и он оказался «в тылу врага»? Чтобы идти в наступление, надо выявить линию фронта. А линией фронта оказались законы, на которые мы (и враги) со всех сторон наступали, разрушили их до основания и поэтому не находим решения в создавшемся положении...

•

ОПОЛИНСКИЙ В. А. Действительно, не следует вводить в комиссию депутата Емельянова. Но у нас сегодня есть юбиляр Сухов, который должен быть в этой комиссии. Давайте сделаем ему подарок.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ (Лукьянов А. И.). Леонид Иванович, вы согласны вместо ротации читать нотации?..

•

ЯБЛОКОВ А. В. Проект, который у вас есть,— это результат компромисса между разными силами... Мы с маршалом Ахромеевым долго работали над ним, и три перечисленных комитета также работали...

АХРОМЕЕВ С. Ф. С депутатом Ахромеевым.

ЯБЛОКОВ А. В. ...с депутатом Ахромеевым.

•

РАХМАДИЕВ Е. Вы помните, как здесь отчитывался товарищ Белоусов. Перед этим я подошел к нему и сказал, что полтора года жду ответа на свой запрос: в Тургайских степях в 1988 году погибло полмиллиона сайгаков. Я обошел все возможные государственные учреждения — получал один и тот же ответ с намеком на участие оборонной промышленности. Дошел до товарища Белоусова. Он клятвенно обещал, что завтра я получу ответ. С тех пор прошло полгода. Он молчит...

•

ЛУЩИКОВ С. Г. Очень неблагодарное дело — выступать перед обедом...

•

МАРТИРОСЯН В. А. Страна идет к развалу. Выступления офицеров свидетельствуют, что им нужна помощь. Нужно навести порядок, чтобы не было нехороших последствий. Наш парламент должен быть высшим органом. Или давайте скажем, что мы никто, и будем вести себя скромно...

•

БОГДАНОВ И. М. Я настаиваю, чтобы сегодня мы все разошлись. Если сегодня останемся в зале, то это опять будет очередной позор, мы опять сядем и будем обсуждать закон, который не будет работать...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ (Лаптев И. Д.). Если мы разойдемся, чтобы решать такой вопрос, то мы план и бюджет вообще не примем.

БОГДАНОВ И. М. А его и не надо принимать, он никому не нужен.

•

КРИВОРУЧКО Е. В. Прежде чем мы выразим свое мнение, надо вызвать всех министров. Пусть они перед нами отчитаются завтра. Зачем? Чтобы мы знали, кого послезавтра, может быть, нужно заменить...

•

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ (Лаптев И. Д.). Уважаемый депутат Игитян! У нас утвердилась такая традиция: когда депутат с чем-то не согласен, он выходит и говорит: «Мне непонятно». Когда он на чем-то особенно настаивает, он говорит: «Все ясно»...

•

КАРАСЕВ В. И. Когда не хватает хлеба и масла, легко можно подлить масла в огонь и перевести разговор в любую сферу, и найти виноватого. Были и такие лозунги, когда вместо масла предлагалось производить пушки. А сегодня что прикажете делать? Вместо хлеба накормить людей суверенитетом?..

•

ГОЛИК Ю. В. Уважаемые товарищи! У меня одно пожелание: не надо кричать на Верховный Совет, иначе мы только и будем свистеть и топать ногами...

•

КУГУЛЬТИНОВ Д. Н. Хотел вот сказать вам «товарищи», а потом вдруг осекся, потому что вспомнил Пушкина. Впервые слово «товарищ» активно стало употребляться после того, как Пушкин определил товарищами братьев-разбойников, но поэму свою он все же назвал «Братья...»... Причем Пушкин к этим разбойникам отнесся с великим сочувствием, с жалостью, зная, почему они стали разбойниками: им нечего было есть, нечего было надеть. Но потом они стали опасными — эти «товарищи»...

...Я полагаю, что слово Президента должно быть законом, иначе у нас получается, что командующий армией советуется с командиром дивизии: «Товарищ генерал-майор, вот я думаю дать тебе такой-то приказ, а ты посоветуйся со своим полком, как нам быть». Какой же это тогда командующий?..

•

МИНАСБЕКЯН М. С. ...одни говорят о крае пропасти, а другие говорят, что мы уже там. Да, экономика у нас больная. Но представьте аналогию: состояние больного человека, которому консилиум врачей каждый раз говорит, что он умрет либо сегодня, либо завтра...

•

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Депутат Смирнов, во-первых, пожалуйста, эмоции «спрячьте в карман». А руки выньте...

•

ГОРБАЧЕВ М. С. Как складывается ситуация с продовольствием и жизнеобеспечением страны в зимних условиях? Я с этого начинаю, поскольку (и вы это почувствовали) по страницам нашей прессы "гуляют" всякого рода спекуляции, домыслы о приближающемся голоде и холоде...

...нам есть что защищать от нападок, есть что положить на весы...

...Может быть, кому-то хочется дискредитировать Президента? Это был бы подарок тем, кто хочет выбить из колеи основные силы в руководстве страны и республик. Подобное я вижу и на союзном, и на республиканском, и на местном уровнях. Делается это последовательно — как по программе, рассчитанному графику. Я даже думаю, откуда, из какого комитета или группы это исходит? Наверное, из той, которая связана с графиками...

•

ФОКИН В. П. Все это, к сожалению, продолжает восприниматься как несерьезные игры в самостоятельность, в этакий «парад суверенитетов». Надо сказать, что к этому прилагают руку и работники прессы, которые находят возможность в этой чрезвычайно драматической ситуации отыскивать элементы юмора. Вам, наверное, известны карикатуры на этот счет...

Глазами и ушами Крокодила в парламенте был, как и прежде, спецкор Григорий КРОШИН.

ся Саша Стотик, то Оля Орешко! И мы смеялись, и было это в нашем положении очень полезно для здоровья.

Приходилось Константину Павловичу рисовать и карикатуры. Я помню его карикатуру на заведующего столовой, который нещадно нас обкрадывал. Ротов на большом листе бумаги нарисовал красивый цветок-одуванчик. А среди пуха виднелось очень похожее лицо зава столовой. И подпись была «Надуванчик».

В лагере было более двух тысяч человек, и все узнавали зава. Все шли на работу и с работы мимо щита с рисунком.

С одним ротовским рисунком был такой случай. Он нарисовал такую картинку: симпатичный зайчик несется с горы на лыжах. Развевается шарф. Одна лыжа сломалась, но заяц весел.

Мне очень понравился этот рисунок, и я сделал с него, несколько увеличив, копию. Сделал и повесил на стенку.

В мастерскую любила заходить жена одного из начальников, врач. Молодая, интересная, надменная. Всех зеков считала врагами, а нас, «пятьдесят восьмую»,— фашистами. Она этого не скрывала, а даже старалась подчеркнуть.

Врачиха эта давно просила меня сделать для нее какой-нибудь рисунок. А тут этот заяц — вылитый ее портрет. Я заказал ребятам из мастерских багетик для этого рисунка. Сделал на багете лепку и побронзовал.

Картинка заказчице понравилась. Она забрала ее и унесла, не сказав даже «спасибо». А я стал ждать грозы.

Дней через 5—6 вызывает меня сам начальник лагеря. Я вошел в кабинет начальника, а там, кроме него, врачиха. На столе моя копия ротовского рисунка. Без стекла и без рамки.

Оказывается, врачиха пожаловалась на меня за то, что я нарисовал на нее карикатуру. «Ведь даже трусы красные, как у меня!» — говорила она.

Начальник отпустил врачиху. Посмеялся над рисунком (мне-то было не до смеха) и сказал: «Даю тебе 10 суток строгача, но сажать тебя не буду, так как картинка мне очень понравилась, и я возьму ее на память. Иди в мастерскую и не высовывайся».

Ни врачиха, ни начальник лагеря так и не узнали, что настоящий автор рисунка Константин Павлович.

Ротов был большим знатоком народных костюмов. В игрушечной мастерской коллектив был многонациональный. Только статья была у всех одна — пятьдесят восьмая. И куклы, и зверюшки одевались в разнообразные национальные костюмы по эскизам Константина Павловича.

В соликамском музее были картины К. П. Ротова (разумеется, без указания автора). Особенно мне нравилось полотно — панорама города с летящим самолетом. Какое небо! Сколько воздуха, солнца! Это надо видеть! Я только ради этого полотна готов съездить в Соликамск, да, видно, уже не успею.

Пришло время освобождения. Определили Константину Павловичу для жительства 101-й километр — город Кимры.

Бывшие профессора, доктора и академики приносили свои лучшие шмотки, а лучшие портные из Прибалтики перешивали и подгоняли их для Константина Павловича. Всем хотелось, чтобы на воле он выглядел хорошо.

Время проводов было тягостным и грустным для нас и радостным и тревожным для тех, кто уходил за ворота. Ведь многие потом получали новый срок или ссылку.

Александр ХОРТ

НОМЕР ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ

Сатирическая повесть

Продолжение. Начало см. № 3.

Недолгое время предавались они своей преступной страсти. Потом расстались друзьями. Альфичка увлекся смазливой офицерской вдовой... Хорошо бы сейчас повидаться с ним, и кто знает, не дрогнут ли их сердца при новой встрече. Однако на этот раз Анна Андреевна пожертвовала личным ради общественного.

На следующий после разговора о прессе день, оставшись одна, она с замиранием сердца набрала заветный номер.

— Альфонс Васильевич?

— Я самый.

— Ну как, ты еще не женился? — кокетливо спросила Анна Андреевна вместо приветствия.

— Кто это? — вместо ответа поинтересовался Ляпичкин.

— Это Анна Андреевна.

— Аня, милая! Не узнал — богатой будешь. Приезжай.

— Да ты что, Альф! Не сейчас. Я тебе по делу звоню.

И она изложила другу ситному просьбу: Антон Антонович желает иметь под рукой хорошего журналиста для того, чтобы регулярно освещать в прессе ход создания нового музея.

* * *

Корреспондент отдела информации газеты «Вечерний Теремковск» Альфонс Ляпичкин, пишущий под псевдонимом Т. Козырный, подгадал так, чтобы взять интервью у председателя горсовета в середине дня. Несмотря на разгул кампании по отмене льгот и привилегий, горсовет по-прежнему славился своей дешевой столовой с большим выбором блюд, и Ляпичкин питался в ней при каждом удобном случае.

Интервью со Сквозняковым заняло мало времени, гораздо меньше, чем сам обед. Антон Антонович оказался человеком серьезным. Говорил ни громко, ни тихо, его каждое слово значительно. Труженик пера произвел на него жалкое впечатление — лет тридцать с хвостиком, тучноватый, с жидкой мочалкой вместо бороды и обсыпанными перхотью плечами. «Наверняка старый холостяк,— решил Сквозняков с присущей председателям горсоветов проницательностью.— Какая женщина согласится иметь дело с таким чучелом? Да это и к лучшему: бабы лишь отвлекают от творчества. Небось пишет хорошо».

Он сообщил корреспонденту, что в гостинице «Пассаж» — по его инициативе — готовится к открытию мемориальный номер Хлестакова.

— Я человек занятой, вы человек занятой,— известил далее председатель Ляпичкина.— Не будем терять времени даром. Разрешаю вам придумать любые вопросы ко мне и любые толковые ответы.

— Сроки? — спросил Ляпичкин, настроившись на такую же волну.

— Чем раньше, тем лучше.

Альфонс Васильевич позвонил на следующее утро и поинтересовался, может ли он зайти к Сквознякову с готовым текстом в интервале с двенадцати до двух.

Прочитав интервью, Антон Антонович бросил восхищенный взгляд на Ляпичкина. «Затерханный, затерханный, а пишет классно,— подумал он — Видать, вся красота в талант ушла». Ему понравился текст в общем и свои ответы в частности.

* * *

После того как ближайшие соратники Антона Антоновича искренне заверили его в том, что окажут посильную помощь начинающему директору, то есть сказали «а», следовало сказать и «б». Разумеется, каждый из птенцов гнезда Сквознякова, за исключением Насонова и Бессонова, этот музей в гробу видел. Однако дело известное: поможешь в чем дочке — скажет об этом отцу. А еще чего доброго скажет, если ничем не помог. Потом, глядишь, председатель исполкома тебе при случае навредит. Короче говоря, нужно что-то предпринять. А что именно? Подсунуть деньги? Ну да, хоть и подсунуть. Однако, черт возьми, раскричится по молодости лет. Вот разве что в виде взноса в какой-нибудь фонд...

Самой расторопной оказалась жена зав. гороно Дюжина. Она появилась на пороге пятого номера с бесформенным свертком в руках — нечто завернутое в допотопную портьеру.

— Поздравляю вас, Машенька.— Дюжина с присвистом расцеловала хозяйку очага культуры.— Говорят мне: «Машенька назначена директором музея». «Ах, боже мой!» — думаю себе и так обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчик, вот какие хлопоты теперь милой Машеньке. Я так обеспокоена, что сгораю нетерпением передать что-нибудь в музей». Стала рыться в вещах — нет ничего подходящего. Все словно сейчас из «Березки». До слез обидно. Тогда Лука Лукич говорит: «Помнишь, Настенька, ты хотела выбросить стул, на который опасно садиться?» Когда-то, во времена Хлестакова, в нашем городе преподавал учитель истории, до безумства влюбленный в свое дело. Однажды, рассказывая ребятишкам про Александра Македонского, он так разгорячился, что сбежал с кафедры и изо всех сил хватил стулом об пол. Кто-то из наших предков взял его домой отреставрировать, да так руки и не дошли — то земельная реформа, то война, то революция... Если его отреставрировать, он вполне украсит интерьер музея.

Машенька прикинула, что после реставрации такой стул вполне украсит интерьер их дачи.

— А Лука Лукич говорит мне: «Уж очень это громоздкий подарок, Настенька. Для маленького музея нужно что-нибудь покомпактнее». И дает мне несколько червонцев. «Пусть,— говорит,— это будет нашим скромным взносом в хлестаковский фонд...»

— Зачем так много?

— Понимаете, Машенька, создание музея требует крупных средств. Городской бюджет вряд ли окажет существенную поддержку. Нынче вся надежда лишь на помощь добровольцев. Я думаю, следует организовать специальный хлестаковский фонд, и мы с Лукой Лукичом делаем туда первый взнос.

Председателю горсуда Ратмиру Федоровичу Буриданову подобрать сувенир для музея куда как легче остальных, ибо квартира жреца Фемиды принадлежала к тому типу жилищ, где ничто никогда не выбрасывается. Профессионально ценя важность вещественных доказательств, он и дома держал предметы, которым самое место на помойке,— довоенную коробку из-под конфет «Застава в горах»; пять-шесть книг типа «Кавалер Золотой Звезды»; чучело борзого щенка; бумаги, содержащие компрометирующие материалы о всех уважаемых людях города и об остальных жителях; над самым шкафом с бумагами висел охотничий арапник. Как он сюда попал — известно одному всевышнему. «Отдам-ка я эту плетку в музей,— решил Ратмир Федорович.— Все равно висит без толку. Пользоваться ей уже поздно — дети выросли».

Постучавшись в дверь, на которой красовалась рукописная вывеска «Номер-музей И. А. Хлестакова», Буриданов вошел в скромно обставленное помещение.

— Желаю здравствовать, Марья Антоновна.

— Мое почтение,— очаровательно улыбнулась Машенька и подумала: «А этот козел какого дьявола приперся сюда?!»

— Разрешите представиться — председатель городского суда. Так это звучит официально. Когда-то тетешкал вас на коленях, делал «козу», вы меня величали дядя Ротя. Теперь же вы тоже стали официальным лицом. Разумеется, узнав об этом, сразу поспешил к вам.

— Присаживайтесь на этот вот стул. Его принесла жена Луки Лукича. Говорит, что это подлинный стул, которым что есть сил хватил об пол здешний учитель истории древнего мира, когда рассказывал про Александра Македонского.

То обстоятельство, что его обошел тихоня Дюжин, покоробило судью, который сам любил быть к каждой бочке затычкой.

Ратмир Федорович устроился на историческом стуле, явно готовясь к длительному рассказу.

— Вы, как хранитель фондов, заинтересованы в старинных вещах. Понимаю... В связи с этим скажу: все мои предки служили по судейской линии. И я расскажу вам семейное предание. Один из нашей династии, человек смелый и принципиальный, который был здесь судьей уездного суда, стал однажды свидетелем безобразной сцены. В 1826 году на рынке подрались бабы. В это время мимо случайно проходил городничий. Человек грубый и жесткий, в руках по обыкновению плетка. Не разобрался, кто правый, кто виноватый. Хлобысь первую попавшуюся женскую спину!.. В это время мимо случайно проходил мой предок. Он подскочил к самодуру, вырвал плетку у него из рук и тем самым спас пожилую женщину, унтер-офицерскую вдову, от дальнейшего позора... А плетка эта хранилась у нас в качестве семейной реликвии, бережно передавалась из поколения в поколение. И вот мое поколение передает ее вам.

Приняв дар, Машенька заглянула в пакет и увидела, что, помимо плетки с короткой рукояткой, там лежат пестрые бумажки.

— Что это такое? — спросила она.

— Это деньги,— объяснил Ратмир Федорович.

— Ой!

— Не надо никаких расписок и прочего бюрократизма,— превратно истолковал вырвавшееся из груди Машеньки восклицание судья.— Это — добровольное пожертвование. Мне вообще думается, надо поставить где-нибудь специальную урну, и даже не одну, чтобы всякий прохожий мог бросить туда деньги. О какой расписке тут речь?!

Оставшись одна, Машенька едва успела пересчитать буридановское жертвоприношение, как на пороге возник собственной персоной заведующий горздравом Артур Фомич Хлебобулатов.

Артур Фомич — очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всем при том проныра и плут. Он принадлежит к тому редкому типу людей, которые не прочь поживиться за счет государства. Если Артур Фомич вернулся домой с пустыми руками, то считал такой день прожитым зря. А что сдать в музей? Не выставишь же на стенд одноразовый шприц. Их тогда в России было еще меньше, чем сейчас. Решил подойти к акций дарения по-деловому: перечитал «Ревизора». Узнал тогдашнее убранство номера — постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка. А у Хлебобулатова дома постель, стол, чемоданы — все с иголочки. Обнаружил среди своего добра старую аптечную склянку и решил поднести ее в дар музею.

После серии изящных реверансов Артур Фомич выплеснул на Машеньку ушат городских сплетен.

Покончив с современной хроникой, Хлебобулатов перешел к истории.

— Возможно, дар мой слишком скромен,— сказал он, вручая склянку с притертой пробкой,— но в подлинных вещах того времени посетители музея ощутят аромат эпохи.

Компенсируя скромность будущего экспоната, Артур Фомич сделал денежный взнос в хлестаковский фонд. Заодно он поддержал свежеиспеченный очаг культуры югославской ветчиной, французским коньячком и тресковым балыком, известным в проклятое царское время под названием «лабардан».

* * *

После беседы о музее с председателем горисполкома Ляпичкину следовало выехать на передовую: описать хлестаковский номер глазами очевидца.

Тут в наше повествование поневоле вкрадывается лирическая нотка, ибо, поболтав с дочкой старой приятельницы несколько минут, Ляпичкин был ею буквально пленен.

— Альфонс Васильевич, я хотела попросить вас написать о ходе подготовки музея к открытию, о его экспозиции, о создании хлестаковского фонда.

— Для вас, сударыня,— осклабился кадровый ловелас,— все, что хотите. Могу даже стихи написать.

— Вы и стихи пишете? — поразилась Марья Антоновна. Она никогда раньше не видела живого поэта.

— А как же! — не моргнув глазом, соврал Ляпичкин.— Неужели вы думаете, я пишу только заметки о том, что какая-то артель наладила производство тарных дощечек?! — А именно этому событию была посвящена его последняя крупная публикация.— Нет, главный редактор со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать». Я только на две минуты захожу в редакцию с тем только, чтобы сказать: это вот так, это вот так, а там уже ответственный секретарь, эдакая крыса, на машинке только: тр, тр... пошел стучать. Хотели было даже меня секретарем горкома по идеологии сделать, да думаю, зачем...

Маша не сводила взгляд с эрудированного собеседника — высокий, в «вареной» куртке, с бородкой. Того же несло без остановки, как случалось всякий раз, стоило ему увидеть перед собой смазливенькую мордашку.

— Да меня уже везде знают. Литераторов часто вижу. С Коротичем на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Коротич, все редактируешь?» «Да так, брат,— отвечает, бывало,— как-то все...» Большой оригинал.

— Вы, верно, и в журналы помещаете?

— Да, и в журналы помещаю. Еще как! Моих, впрочем, много есть сочинений.— Альфонс Васильевич начал загибать пальцы.— «Для удобства клиентов», «Растет количество коек»... И все случаем: я не хотел писать, но редактор говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец». И тут же в один вечер, кажется, все написал, всех изумил. Все это, что было под именем Дементьева, Искандера и братьев Стругацких,— все это я написал.

— Значит, вы и о нашем музее сможете написать?

— Что угодно. У меня легкость необыкновенная в мыслях... Вы, когда приобретаете вещь, записываете о ней какие-нибудь данные?

— Обязательно атрибутирую.

— Отлично. Покажите мне любую характеристику.

Машенька наугад вытащила из коробки карточку и прочитала то, что худо-бедно наскребла, пользуясь справочниками:

— «Бутылка желтого стекла. Высота — 31 сантиметр, диаметр — 21 сантиметр. Поступила из собрания А. Ф. Хлебобулатова».

— Это какого Хлебобулатова? Артура Фомича?

— Вы его знаете?

— Кто же не знает заведующего горздравом?! Это такой сквалыга, каких свет не видывал.

— Значит, вы не напишете о его бутылке?

— Почему не напишу? Бутылка за хозяина не отвечает.

— И вам достаточно этой информации?

Информации для Ляпичкина тут было более чем достаточно. И все же он покривил душой, сказав:

— Маловато, Маша. Понимаю, вы можете еще кое-что прояснить. Но я не в состоянии собирать информацию днем. Сейчас меня срочно ждут в редакции. Вот если бы мы с вами могли встретиться вечерком, спокойно посидеть у меня дома, где вы осветите другие грани экспоната, тогда очерк получится...

* * *

ИСТОРИЯ ОДНОЙ БУТЫЛКИ
(очерк, опубликованный в газете «Вечерний Теремковск» 2 июня 1990 года)

Много заслуживающих внимания бутылок имеется в нашем городе. Но есть среди них одна с трудной примечательной судьбой. Недавно она поставлена на вечную стоянку в мемориальном номере-музее И. А. Хлестакова. А произошло это так...

Однажды в хлестаковский номер пришел мужчина интеллигентного вида.

— Хочу быть вам чем-нибудь полезен,— робко потупясь, признался он директору М. Сквозняковой.— У меня есть старая посуда. Может, она подойдет для вашего музея?

Когда Марья Антоновна начала осматривать предметы, которые принес мужчина, она не нашла ничего интересного для своего музея. Уже прощаясь с посетителем, вдруг обратила внимание на бутылку желтого стекла. Чутье опытного следопыта подсказало: ее надо не спеша осмотреть. Неожиданно она поняла, что эта бутылка — старинная. М. Сквознякова испытала страшное волнение. Неужели это именно такая бутылка, о какой она давно мечтала?! Однако действительность подтвердила ее самые лучшие ожидания...

В начале прошлого века способный крепостной самородок-стеклодув Вавила Босых выдул для своего хозяина — пензенского пехотного капитана — простую стеклянную бутылку. В тот же вечер капитан, по отзывам современников, хорошо срезывающий штосы, сел играть в карты. Однако на сей раз капризная фортуна отвернулась от этого пустопорожнего существа: он попался на мизере и просадил все деньги.

Если бы любитель карточной игры был человеком передовых взглядов, он стоически перенес бы проигрыш. Однако, имея ложное представление о чести мундира, капитан решил отыграться. Поскольку наличные кончились, этот самодур поставил ва-банк посуду. И после первой же сдачи проиграл бутыль, выдутую трудолюбивыми легкими его крепостного самородка В. Босых. Таким вот образом хрупкая подруга перешла в руки унтер-офицера Иванова.

Воспитанный в презрении к труду, унтер-офицер не смог по достоинству оценить изделие В. Босых. Он обращался с бутылкой по-варварски. Трудно припомнить жидкость, которую бы Иванов ни держал в этом произведении декоративно-прикладного искусства.

Иванов скоропостижно скончался в возрасте 88 лет. Правда, не настолько скоропостижно, чтобы не успеть продиктовать и нотариально заверить свое завещание. Бутылку желтого стекла этот горе-унтер-офицер полностью отписал супруге Анне Иоанновне, урожденной Книппер-Куперник.

Вскоре после вскрытия тела и оглашения завещания на долю бутылки выпали новые испытания: унтер-офицерская вдова вторично сочеталась законным браком. Этим поступком она, образно говоря, сама себя высекла, поскольку новый муж оказался на поверку человеком неотесанным, грубым. Его жизненная траектория является типичной для человека, воспитанного в презрении к труду. Сытое детство, беззаботная юность, безмятежные армейские и семейные лямки, участие в русско-турецкой кампании, читинский острог — вот основные вехи этого безоблачного пути. И во всех странствиях после женитьбы его неизменным спутником становится бутылка желтого стекла. Потом следы ее неожиданно теряются, о дальнейшей судьбе можно лишь догадываться. Очевидно, в конце концов она очутилась в доме кого-нибудь из наших земляков. «На кой черт сдалась мне такая дребедень? — задумался однажды этот человек и сам себе ответил: — Ни на кой!» После чего бутыль оказалась на помойке. Возможно, так она и отправилась бы на переработку вторичного сырья, не проходи случайно мимо Артур Фомич Хлебобулатов — страстный бутылколюб.

Увлечение бутылками началось у Артура Фомича с детства. Часами мальчик мог стоять в винном магазине и зачарованно смотреть на бутылки с пестрыми, пахнущими типографской краской этикетками. Мечтал даже стать приемщиком стеклотары. Но судьба распорядилась по-другому: он стал заведующим горздравотделом исполкома. Однако не исчез его интерес к бутылкам. Артур Фомич собирает литературу и открытки, посвященные отечественному бутылкостроению. Он ищет уникальные экземпляры, реставрирует их, тем самым помогая сохранить подлинные образцы минувших дней.

Вот и эта бутылка — несколько лет понадобилось энтузиасту, чтобы восстановить ее в первозданном виде. Зато сейчас реликвия заняла почетное место в экспозиции номера Хлестакова.

Т. Козырный.

* * *

Велика и многообразна деятельность главы города. Антон Антонович Сквозняков в этом смысле не является исключением: каждый день перед ним возникают новые задачи, хотя и старые еще не выполнены. Сейчас, к примеру, началась избирательная кампания.

Раньше на подобное событие нашей политической жизни любой председатель горсовета только рукой махнул, мол, что ни делай, что ни говори, 99,9 процента голосов тебе обеспечены. Нынче разговор пошел другой. Выборы стали альтернативными, и каких бы слабосильных соперников ни подобрали оруженосцы Антону Антоновичу, все равно кое-что зависит от него самого. Нужно позаботиться о своей избирательной программе.

Если перечислить всех тех людей, которые составляли личную избирательную программу Сквознякова, то повествование наше никогда не может рассчитывать на публикацию: любое издательство не наскребет бумаги.

Однако в любой избирательной программе необходима изюминка. Свою изюминку Антон Антонович сформулировал лично: «Создание в Теремковске туристическо-экскурсионного всесоюзно-международного бюро на базе городского-областного памятно-мемориального номера-музея И. А. Хлестакова».

Кто первый друг и соратник в избирательной кампании? Это пресса. Поэтому милейшей Анне Андреевне снова пришлось обратиться к Ляпичкину. Прямо неловко: все время по телефону да по телефону, пора бы уже говорить без проволочного посредника. И Сквознякова-старшая решилась-таки нанести Альфику визит вежливости.

Встреча после разлуки сразу всколыхнула много воспоминаний. К приходу старой подруги Альфик расстарался вовсю: выставил рислинг, торт, заварил свежий чай. Они ворковали, сидя на диване, и Ляпичкин все чаще полушутя прикладывался губами к макияжу на щечке гостьи, начиная понимать, что она по-прежнему аппетитна и очень недурна. И вот его могучая длань как бы ненароком обхватила лилейную грудку пятого размера. Но нелепый, до боли досадный случай нарушил сладострастную гармонию, с каждой секундой воцаряющуюся в комнате: заскрипел дверной замок, и на пороге возникла Машенька Сквознякова.

Тут в нашем повествовании надобно вернуться несколько назад, чтобы сказать пару слов об отношениях, сложившихся между Машенькой и Ляпичкиным. Эти отношения зашли в высшей степени далеко. Настолько далеко, что Альфонс всерьез подумывал жениться на юной особе. Он даже вручил ей ключ от квартиры, мол, заходи, когда заблагорассудится. И обычно она появлялась вечерами, но сегодня образовалось какое-то окно, и она решила наудачу заглянуть к Альфику — вдруг застанет его дома.

Больше всего ее удивил не растерянный вид маменьки, не томный взор Альфика и даже не сервировка стола. Ее неприятно кольнуло то, что средь бела дня в комнате наглухо задернуты портьеры. Но думать плохо о своем Альфике она не хотела, а о маменьке не успела, ибо, очнувшись от наплыва страсти, та захватила инициативу.

— Ну что ты? К чему? Зачем? Что за ветреность такая? Вдруг вбежала как угорелая кошка. Ну что тебе вздумалось делать дома у неженатого мужчины! Право, как дитя какое-нибудь трехлетнее.

Маша совершенно не могла сообразить, что ей отвечать. Но, слава богу, на выручку уже спешил Альфик.

— Вот здорово,— заверещал он,— что ты зашла без предупреждения. Я как раз приготовил тебе неожиданный реприманд. Пусть это не в духе времени, тем не менее я решился на этот шаг. специально пригласил Анну Андреевну, чтобы просить у нее твоей руки.

— Так ты в нее?..— пролепетала Анна Андреевна.

— Да! Я еще не успел попросить. А теперь прошу.— И Ляпичкин пустил в ход свой безотказный способ — падение на колени.

— Ну вот видишь, дура, ну вот видишь, из-за тебя, этакой дряни,— Анна Андреевна при всем своем актерском таланте не могла скрыть досады из-за порушенного рандеву,— человек стоит на коленях. А ты вдруг вбежала как сумасшедшая. Ну вот, право, стоит, чтобы я нарочно отказала. Из принципа.

Но Маша, зная мягкость нрава матери, поняла, что через минуту та сдастся. Надо только продолжать ее уговаривать.

— Не буду, маменька. Право, вперед не буду.

— Анна Андреевна! Не погубите, не погубите! — с наигранным ужасом завопил Ляпичкин, воздев руки к потолку.— Не откажите единственному дитяти в таком пустяке, как замужество.

То обстоятельство, что Альфик смягчил все шуткой, доконало Сквознякову-старшую. Она со смехом ухнула на диван, таращa слезящиеся от хохота глаза, одной рукой начала доставать уголком платочка размякшую тушь, а второй по-вокзальному шустро махала возлюбленным — ладно, мол, делайте что душе угодно, только оставьте меня в покое, иначе сейчас умру от смеха...

(Окончание следует.)

СПАГЕТТИ НА УШИ

Андрей ВАВРА,
специальный корреспондент Крокодила

Имею социальный заказ от группы артисток советской эстрады. Побывав этим летом в Италии, они наказали мне непременно позвончее расписать, что остались безмерно счастливы этой поездкой и руками и ногами голосуют за дальнейшее расширение советско-итальянских культурных контактов.

И зрители там самые лучшие, предавались воспоминаниям артистки, и солнце самое теплое, и небо самое синее, и спагетти самые длинные. Тачки же — сплошь импортные, как, впрочем, и шмотки. А пьешь там исключительно чинзано, кьянти или джинтоник. И без очереди. Да что там говорить — не Италия, а чистая сказка!

Всех, конечно, волнуют тамошние гонорары наших артисток. Так вот, сядьте дорогие соотечественники, на стул и покрепче за него ухватитесь. Почти 80 долларов за ночь имели наши артистки!

Это же тысяча шестьсот рублей по нашему черному курсу!

И тебе еще за это:

— Си, синьорина! Ми скузи, синьорина! Бон джорно, синьорина!

А как я все это позвончее распишу, артистки попросили где-нибудь бросить осторожный намек тем, кто отправляет их в зарубежные гастроли. И при этом наказали ни в коем случае не упоминать их фамилий — вдруг этот намек покажется кому-то неделикатным и их больше никуда не возьмут. Вот, значит, такого рода намек: какой репертуар от них потребуется в следующий раз? Может быть, тьфу на репертуар, а просто прихватить особо пикантное французское белье?

Выше, когда речь зашла о зарплате, кого-то, возможно, слегка покоробило, что платят там «за ночь».

С нашей стороны группой артистов занималось советско-канадское СП «Тома». Вернее его отделение «Московское варьете» (ныне уже «Союзварьете»), возглавляемое В. Канарским. С итальянской стороны импресарио Хамди Кесаб. Как видно из фамилии, итальянец арабского происхождения. И по приезде девушек в Италию он, оглядев наметанным глазом коллектив, сразу отделил в сторонку тех, у кого внешние данные были похуже. Короче говоря, отобрал молодых белле рагацце — по-нашему, симпатичных девушек. Я не оговорился, его интересовали, оказывается, не столько артистки, сколько красивые девушки. И пользуясь в основном жестикуляцией — ведь артистки по-итальянски знали только «арриведерчи, Рома» и «спагетти»,— объяснил:

— Артисти — но, но, но! Канцоно советико — но, нон э интересанто! Но кончерто, но кончерто-залло! Найт-клуб! Консумационе!

В. Канарский утверждает, что при подписании контракта о консумации речи никакой не шло. Вопрос возник только по приезде и без его ведома. Если это действительно так, то это незнание зарубежного рынка советским импресарио сильно удручает. Впрочем, Владимир Николаевич к консумации нынче относится весьма положительно:

— А что в этом такого? Я туда и жену отправил консумировать!

Поясняю: консумация — термин, не имеющий русского аналога. Хотя, если покопаться в словаре, у него есть вполне понятный перевод. Консумационе — съеденное и выпитое в баре, кафе. Консуматоре — потребитель. Есть это понятие, оказывается, и в английском языке: консампшн — потребление, расход. Кэнсьюм — потреблять, расходовать, расточать, проматывать. Словом, в Европе это понятно. Теперь узнаем и мы.

В переводе на русский это будет так: женщина сидит и разговаривает с мужчиной. Без большой охоты, но вот отшить неудобно. И если он вдруг начинает ей делать известного рода предложения, она их изящно заминает и переводит разговор на более отвлеченные темы. А если уж он оголтело настойчив, то вовсе не бьет его по физиономии, а вежливо растолковывает: извини, дорогой, я не по этой части.

Словом, консумация — это определенная профессия: развлечение клиента — посетителя ночного клуба. Заходят сюда одинокие мужчины, которым не спится, которые не знают, чем себя занять, маются. Приходят, садятся за столик, оглядываются. И видят: за другими столиками сидят симпатичные одинокие девушки и потягивают пепси (два стакана бесплатно за ночь от заведения). И приглянувшуюся девушку — консуматоршу — он манит пальцем, та подсаживается и начинает оживленно с ним чирикать за жизнь. А через каждые 20 минут к ним подходит официант, которому клиент отстегивает соответствующую сумму за это развлечение с белла рагацце...

Понятно, чем лучше занимает девушка клиента, тем он дольше сидит, тем больше дохода приносит пропитарио — хозяину клуба (девушке тут тоже достается определенная доля).

Так что представьте себе ситуацию: подписывая контракт, наши артистки считали, что едут в Италию петь и плясать, знакомить с советской эстрадой итальянскую публику. А им по приезде разъясняют: да, петь и плясать. Но немножко. И только в ночных клубах. А главная же работа у вас здесь будет консумация.

— Вы должны быть очень, очень хитрыми,— толковал им импресарио про специфику новой работы.— Можете дать себя потрогать, погладить, но в постель — ни-ни! Скажете — вы по другому профилю: сольтанто конверсационе, только ля-ля язычком!

Впрочем, импресарио давал понять, что если и перейдут они с клиентом определенные границы, его это не касается. Главное, особо не перегибать палку: он же с Союзом сотрудничает не по линии путанского ремесла, а по линии культуры...

Артистки попробовали было возмутиться, на что импресарио сказал:

— У вас, карины, нет пермессо соджорно — разрешения на работу. Поэтому вам тут никто ничего! Нессуно! Ньенте! Никакой работы не дадут! Будете слушаться, будет соджорно. Через полтора месяца. А пока — поработайте полулегально!..

Это называется — быть припертым к стенке. На прекрасной, но чужой земле, без языка, без переводчика, без единой лиры, а главное, без разрешения на работу, о котором в Москве не позаботились... Гордо передернуть плечами и обратным рейсом домой, благо билет приобретен заранее?

Понятно, артистки попробовали работать. Попытались стряхнуть с себя моральную устойчивость, взращенную на отечественной почве. Что давалось нелегко. И потом, как будешь развлекать клиента без знания языка! Клиент манит пальцем, начинает что-то лопотать по-итальянски, а ты, извиняясь, только разводишь руками:

— Извини, дорогой, нон парло итальяно, в смысле — донт андестенд!

Клиент, понятно, отсылает тебя назад. Потом появляется новый, тоже манит пальцем, начинает лопотать и — повторяется то же самое...

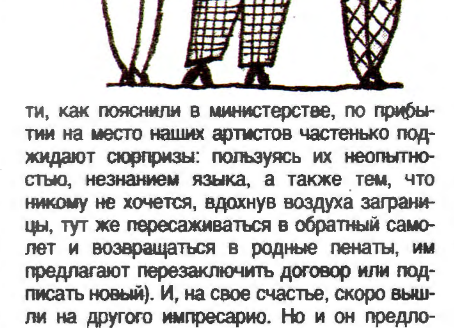
Через четыре дня такой работы артистки взбунтовались: пошли в квестуру, по-нашему, отделение милиции, жаловаться на импресарио. В квестуре проверили их документы и контракты и подтвердили: главного документа, без которого здесь делать нечего, у них нет — этого самого соджорно. Но отчастили их и успокоили:

— Что вы переживаете, синьорины! Ваши контракты санкционированы Министерством культуры СССР! Вы же к нам приехали по линии советско-итальянских культурных связей!

А вот импресарио все же оштрафовали — не имел он права приглашать артисток на работу, не выправив им соджорно.

Как пояснили мне в Министерстве культуры его ответственные работники, занимающиеся эстрадой и зарубежными связями,— В. Журжалин и Н. Губанов, сегодня совершенно другая эпоха. Это раньше все контакты и договоры проходили через министерство. А сейчас расплодилась масса организаций (особенно СП), которые активно взялись устанавливать контакты с зарубежными импресарио. Да, конечно, министерство выдает лицензии, но занимается этим без особой бюрократической волокиты: ему вполне достаточно соответствующего договора, списка артистов и суммы контракта. А уж о соджорно должны беспокоиться договаривающиеся партнеры. Контролировать же все это множество самодеятельных контрактов у них нет никакой возможности.

В общем, артистки расстались с Хамди Кесабом, который явно на них решил «схимичить» — уклониться от уплаты налогов (кстати, как пояснили в министерстве, по прибытии на место наших артистов частенько поджидают сюрпризы: пользуясь их неопытностью, незнанием языка, а также тем, что никому не хочется, вдохнув воздуха заграницы, тут же пересаживаться в обратный самолет и возвращаться в родные пенаты, им предлагают перезаключить договор или подписать новый). И, на свое счастье, скоро вышли на другого импресарио. Но и он предложить им мог опять же только консумацию...

Убедившись, что никакой иной работы им не светит, артистки засели за словари. И очень скоро могли вполне сносно поддерживать беседы. Тем более что говорить приходилось практически одно и то же. Как узнавал клиент, что они из России, то сразу же бурно радовался:

— Ах, перестройка! Ах, Горбачев!! Фантастико!!!

Так что беседы у них выходили обычно чрезвычайно увлекательными и познавательными для клиента.

Впрочем, консумация оказалась не такой уж простой штукой. Во-первых, выяснилось, что пропитарио в отличие от импресарио вовсе не возражает, если отношения девушки с клиентом выходят на другой уровень. Он это даже приветствует. И наоборот, если она работает исключительно в рамках должностной инструкции, пропитарио это начинает раздражать. Уж чересчур строгие девушки — не слишком привлекательная реклама для найт-клуба. А практически каждый клиент приглашает их в койку. В принципе она должна бы на это заявить:

— Но фар амор! Насчет этого вот те дамочки в глубине зала — профессионалки с удостоверением!

Но чем глубже артистки вникали в свою новую профессию, тем больше понимали: живут они теперь в свободном мире, где творческая инициатива вовсе не возбраняется. Даже приветствуется.

Конечно, новая работа порой ставила их в тупик. Например, как-то в клуб заглянул местный миллионер. Прочих посетителей тут же спровадили, клуб закрыли, и он начал веселиться. А когда уж совсем раздухарился, стал поливать девушек французским шампанским! По нашим понятиям, это вроде бы хулиган, дебошир. Нужно бы обидеться. Но платил-то он за развлечение валютой...

Да, трудновато приходилось девушкам. Ведь отдельные местные граждане не просто приглашали в койку, но и грозились выложить за это поистине астрономические суммы. И как трудно кое-кому давалась в этом случае объяснение, что у советских собственная гордость...

Конечно, странно в наше время отказываться от валюты. Но что делать: как пишут в характеристиках, артистки оказались действительно морально устойчивыми. Хотя суммы, судя по рассказам, были бешеные — в пересчете по курсу черного рынка девушкам порой предлагали за ночь три моих годовых зарплаты!..

* * *

Итак, поконсумировали наши девушки, подзаработали и вернулись домой. Соджорно им в результате так никто и не сделал, а долго испытывать судьбу без него — это непременно нарваться на неприятности с квестурой. Та поставила бы их на учет, как гражданок неопределенного рода занятий, запустила бы данные в компьютер и — прощайте дальнейшие зарубежные связи по линии культуры!..

Словом, наши девушки вышли из переделки благополучно. Так что очень я за них рад — какое-то время пожили в Италии, да к тому же вовсе не нищими совтуристками. Но вот все остальное радует гораздо меньше.

Конечно, расширение культурных связей с зарубежными странами можно только приветствовать. И тем более что Министерство культуры тут отказалось от монополии. Проверив, кто, с кем и на каких условиях заключает контракт, оно выдает лицензию, как сказано в соответствующем приказе, «на коммерческую деятельность с зарубежными партнерами в области театральной, концертной и иной артистической деятельности».

Вот это самое «и иной» меня несколько смущает.

Ведь наша коммерция с Западом имеет определенную специфику. Когда, например, заключается сделка на вывоз в Европу или Японию металлообрабатывающих станков, то мы знаем — станки эти пользуются спросом вовсе не за их большие успехи в деле металлообработки. Исключительно ввиду своего гигантского веса. Их закупают просто как металлолом.

В наших эстрадных «звездах» у заграницы такая же нужда, как и в наших металлообрабатывающих станках. И потому, когда в массовом порядке за рубеж отправляются молодые эстрадные артистки приятной наружности, я и хочу уточнить — они едут как артистки или как «металлолом»? Едут потеснить западных «звезд» шоу-бизнеса или отбивать хлеб у бедных бразильских или доминиканских девушек?

Видимо, конкуренток из Латинской Америки все-таки душить проще. Так отчего бы тогда не поставить это дело на профессиональную основу? Почему в таком случае, идя навстречу потребностям скучающих западноевропейских мужчин, не организовать, например, трех- или даже шестимесячные курсы по консумированию при Министерстве культуры? И обучать там девушек языкам, умению вести светскую беседу, немного петь, танцевать, играть на музыкальных инструментах. Умению быть желанной и соблазнительной, одновременно сохраняя дистанцию с партнером. Словом, что-то вроде курсов гейш.

Потому что мода на все советское не может быть вечной. Это сейчас консумируемые граждане готовы часами болтать про перестройку, последние указы нашего Президента, угрозу голода в нашей самой богатой ресурсами стране. Пройдет эта мода, и чем станут брать наши девушки? То-то и оно: без серьезной профессиональной подготовки они будут неконкурентоспособны, а значит, останутся без работы. То есть симпатичные девушки за рубежом без работы не останутся, но, боюсь, могут растерять последние связи с культурой...

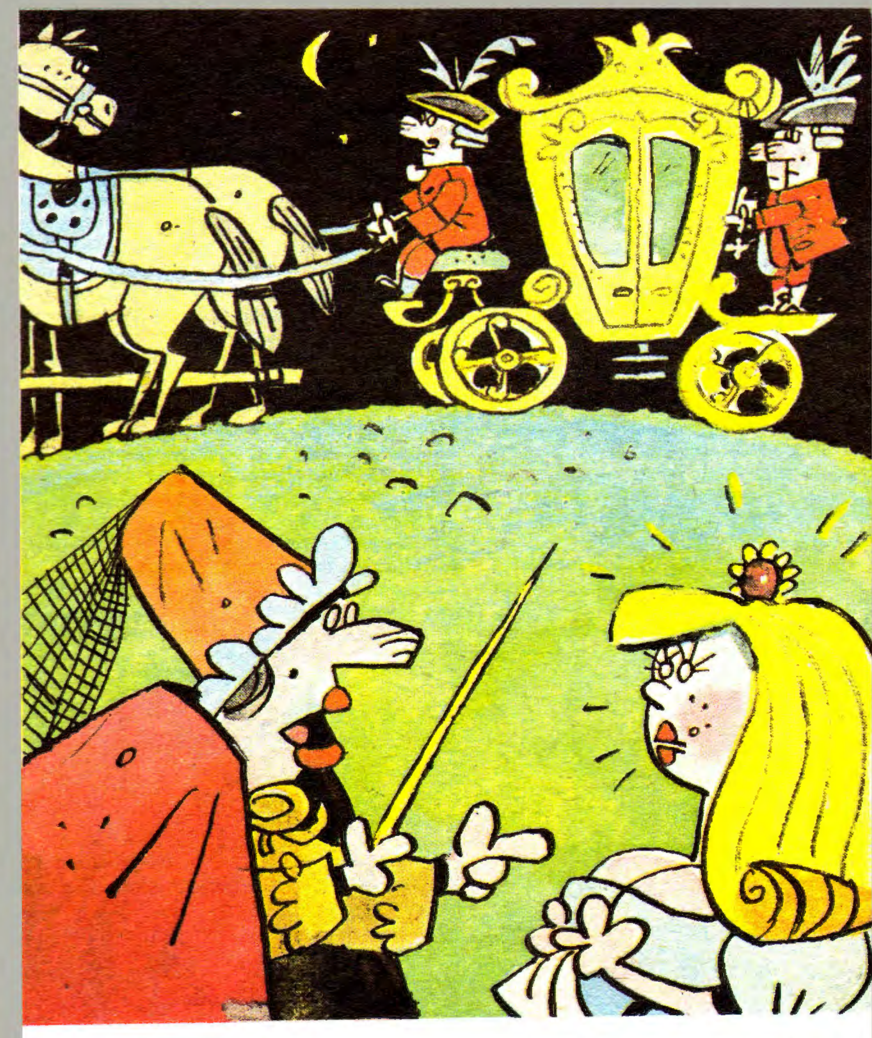
Думаю, Министерству культуры в создавшейся ситуации есть чем заняться. Нет, я вовсе не за сворачивание связей, не за монополию, не за возрождение нашего родного «держать и не пущать!» Имеются же и цивилизованные формы контроля — не только примитивно-запретительные. Поэтому, выдавая лицензии, не стоит считать свою миссию на этом законченной. Хорошо бы поинтересоваться и о дальнейшем: как там работалось и жилось в далеком зарубежье отлицензированным министерством артистам?

Или в министерстве и вправду полагают, что выдают разрешение на коммерческие сделки именно в сфере культуры?

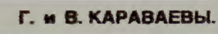
— Сынок, что дают-то?..

Г. и В. КАРАВАЕВЫ.

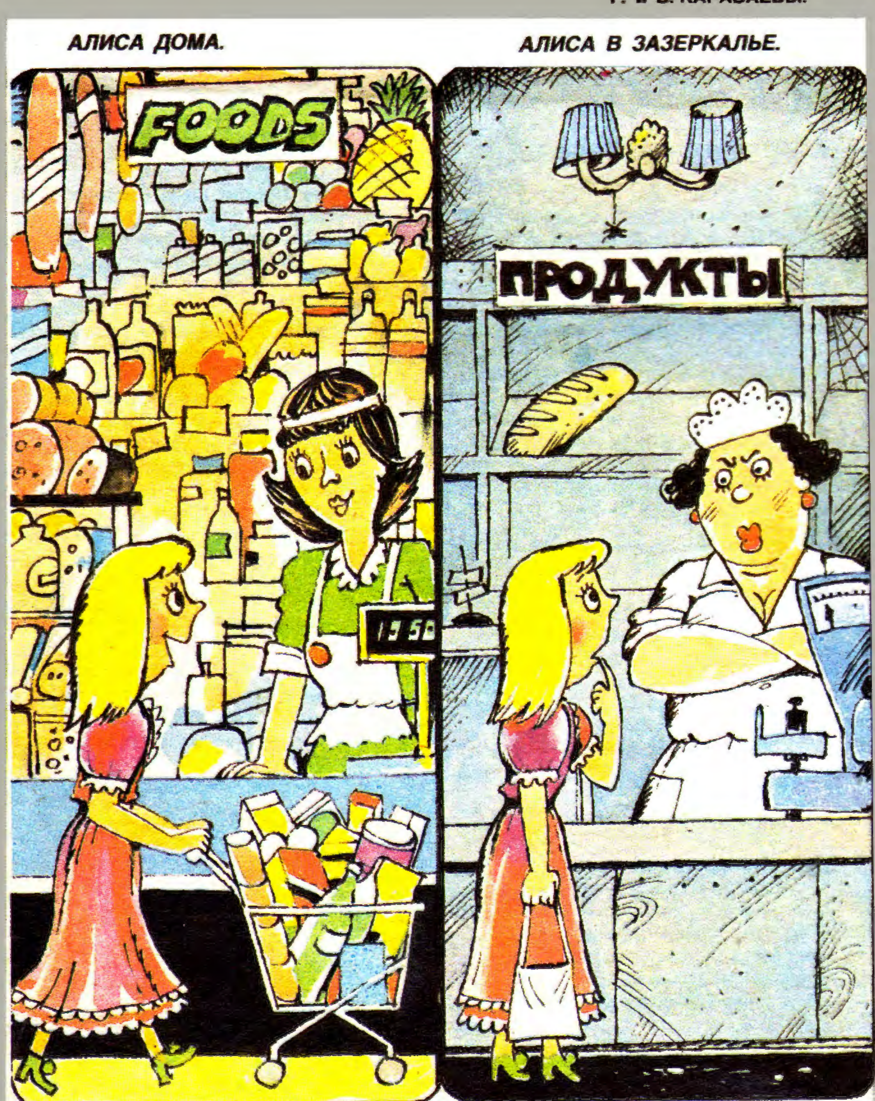

— Но запомни, Золушка, после двенадцати экипаж превратится в коммерческий и с тебя заломят баснословную сумму!

В. ПОЛУХИН. Р. ДРУКМАН (тема).

АЛИСА ДОМА. АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ.

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, Ю. СТЕПАНОВ (тема).

Н. МАЛОВ.

«Поэт, любимый небесами»

Дом погрузился в тишину. Все ходили на цыпочках и говорили шепотом. Приезжавших швейцар встречал у подъезда со словами:

— Их сиятельство очень заняты и принять вас не смогут,— и, многозначительно понизив голос, добавлял таинственно: — Сочиняют!

Между тем виновник происходящего уединился в кабинете. Он сидел за письменным столом, весь во власти высокого вдохновения, и его перо быстро скользило по бумаге...

«Благосклонный читатель! Ты зришь пред очами своими жизнеописание знаменитого в своем Отечестве мужа. Дела его и заслуги своему Отечеству столь были обширны, что совместить их в себе может одна лишь соразмерная им память. Посему мы при издании его жизнеописания решили дела его и заслуги Отечеству разделить на две части: предметом первой будут душевные его таланты и степень образованности по отношению к наукам и просвещению, предметом же второй положим краткое описание гражданского его достоинства и знаменитости, которые он своими доблестями обрел в славном Российском государстве».

Столь высокоторжественным вступлением начинается биография графа Дмитрия Ивановича Хвостова, которая — откроем секрет — написана им самим.

Имя Хвостова принадлежит к печально известным литературным именам — никто из писателей прошлого века не был адресатом стольких эпиграмм, пародий и насмешек, как он.

Судьба одарила его завидным долголетием: обратившийся к поэзии во времена А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова, он окончил беседовать с музами, когда всей России стали известны имена А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Н. М. Языкова... Более полувека подвизался Хвостов на литературном поприще. Одно поколение сменялось другим, а он все так же здравствовал и создавал новые творения.

Честный, умный и хорошо образованный человек, член Государственного совета, сенатор, академик, принесший много добра и пользы, Дмитрий Иванович Хвостов имел несчастье быть бесталанным поэтом и приобрел печальную славу графомана. Справедливости ради следует сказать, что до начала девятнадцатого столетия его творения были ничуть не хуже других появлявшихся в то время произведений. Однако Хвостов не замечал, что классицизм, верность которому он сохранял, уже приходит в упадок. Быть может, рано или поздно Дмитрий Иванович сумел бы понять, что заблуждается, если бы не одно обстоятельство,— Хвостов был богат и знатен. Среди литераторов нашлись льстецы, уверившие сочинителя, что он гениальный поэт, творения которого приносят славу России.

Простодушный и доверчивый, Хвостов счел отнюдь не бескорыстные похвалы искренними и постепенно сам уверовал в свою гениальность. Стоит ли удивляться тому, что он с еще большей охотой продолжал писать! Льстецы именовали его патриархом русской поэзии, писателем, который «посрамил Лафонтена, победил Мольера, уничтожил Расина». Восхваляя творения Хвостова, почитатели его «неувядающего гения» просили затем кто протекции в сенате, кто поддержки своему журналу, кто денежного пособия, кто производства в чин. И сановный сочинитель делал для них все, что мог.

Рассказывают, что Суворов, который дружески относился к Хвостову, упрашивал его не писать стихов или по крайней мере не печатать их.

— Это к добру не приведет. Ты сделаешься посмешищем всех порядочных людей! — говорил Александр Васильевич.

Однако граф не внял этой просьбе. И неудивительно — иначе поступить человек, твердо верящий, что его творения приносят славу Отечеству, не мог.

С одинаковой легкостью творил Хвостов во всех жанрах, какие только существовали в литературе: он создавал стихи лирические, духовные, «о разных предметах», оды, послания, элегии, стансы, сатиры, трагедии, надгробные надписи, мадригалы, эпиграммы, басни, которые сам автор именовал притчами. Увесистый том с замысловатым заглавием «Избранные притчи из лучших сочинений графа Хвостова» сделался для читателей многих поколений предметом насмешек в веселый час. Изумительные превращения происходили с персонажами этих притч по воле автора: попавший в сеть голубь разгрызал ее **зубами**, осел, желая полакомиться ягодами, обхватив дерево **лапами**, взбирался на рябину, у козла оказывалась **свиная** туша, а ворона роняла сыр из **пасти**. Не менее курьезными, чем сами притчи, были и пояснения к ним, в которых Хвостов с серьезнейшим видом толковал, отчего стали возможны такие метаморфозы:

«Многие критиковали слово «пасть», свойственное только зверям, а не птицам,— писал он.— Автор знает, что у птиц рот называется клювом, несмотря на то, он заменил сие речение употребляемым в переносном смысле, ибо говорится и о человеке: «Он разинул пасть» (смотри «Словарь Российской Академии»).

Однако Хвостов был знаменит не только тем, что писал бездарные произведения, но и с завидной настойчивостью распространял их. Останавливая знакомых на улице, он часами читал им свои творения; приглашая к себе гостей, потчевал отменными блюдами французской кухни и стихами своего сочинения; узнав о каком-нибудь званом обеде, являлся на него заблаговременно и раскладывал на столах рядом с приборами свои книги; на балах, затерявшись в толпе гостей, украдкой рассовывал брошюрки по их карманам.

«Люблю писать стихи и отдавать в печать», «За труд не требую и не чуждаюсь славы» — такие эпиграфы стоят на титульных листах собраний сочинений графа Хвостова. Этим девизам сановный сочинитель хранил верность до конца жизни. Великое множество раз в течение пяти десятилетий выходили в свет его творения — от увесистых томов до тоненьких брошюрок. Книги печатались на дорогой бумаге, переплетались в роскошные переплеты, украшались великолепными иллюстрациями и золотым тиснением. Трижды издавал он полное собрание своих сочинений, скупая перед этим весь нераспроданный тираж предыдущего.

Никто его творений не читал и не покупал, однако автора это нисколько не смущало. С исключительной щедростью дарил он их знакомым и незнакомым, рассылал в библиотеки академий, университетов, гимназий, всевозможных ученых и литературных обществ, русских и иностранных, преподносил в подарок королям, министрам, знаменитым ученым и писателям. Заказывая переводы своих творений на иностранные языки, граф щедро оплачивал труд переводчиков. Направляясь в свое имение, на каждой почтовой станции Хвостов оставлял свои портреты, чтобы читатели знали в лицо знаменитого поэта. Иногда, впрочем, он не ограничивался портретами. Так, морской библиотеке Кронштадта сиятельный стихотворец подарил не только все тома своих сочинений, но и свой мраморный бюст.

Многие поэты, современником которых был Хвостов — Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, К. Ф. Рылеев, П. А. Вяземский, А. А. Дельвиг, Е. А. Баратынский, Н. М. Языков,— не обошли его вниманием в своих сатирах, эпиграммах и пародиях. А. С. Пушкин, которого Хвостов считал своим последователем, «посвятил» ему оду — великолепную пародию на бездарные и высокопарные творения «патриарха», изобилующие устаревшими словами и тяжеловесными оборотами. В ней «певец бессмертный и маститый» сравнивается... с Байроном, с которым у него обнаружилось и сходство, и различие:

Вам с Байроном шипела злоба,
Гремела и правдива лесть.
Он лорд — граф ты! Поэты оба!
Се, мнится,
явно сходство есть.—
Никак! Ты с верною супругой
Под бременем судьбы упругой
Живешь в любви — и, наконец,
Глубок он, но единобразен,
А ты глубок, игрив и разен
И в шалостях ты впрям певец.

Хвостов обладал еще одной удивительной особенностью — с одинаковой легкостью он сочинял стихи на все счастливые и несчастливые, прошедшие, настоящие и даже несостоявшиеся случаи. Так, узнав о том, что знакомый литератор побывал в его имении и не застал там хозяина, Дмитрий Иванович обратился к своему знакомцу со стихами:

Мне жаль, что сам я не случился
В селе — источнике отрад.
С тобой гулять бы не ленился
На речку, островок и в сад.
Поил бы из ключа водою,
Стерляжьей лакомой ухою
Моих прудов я угостил,
С зеленой ветви овощами.
Тебя моими бы стихами,
Как друга, к ночи усыпил.

Знаменитое петербургское наводнение 1824 года вдохновило Хвостова на создание послания «О наводнении Петрополя», в котором обстоятельно описывалось это стихийное бедствие. Однако, увы, в памяти неблагодарных читателей из всего пространного творения остались лишь две строки:

По стогнам там валялось
много крав (коров),
Кои лежали, ноги кверху вздрав.

Пушкин увековечил и самого сиятельного стихотворца, и его стихотворение «О наводнении Петрополя» в поэме «Медный всадник»:

Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов.

Хотя Хвостов почитался видным сановником и считал себя гениальным поэтом, он был чужд высокомерия и надменности. Очень доброжелательный и скромный в жизни, Дмитрий Иванович часто, гуляя по Летнему саду, знакомился с приехавшими в столицу провинциалами, приглашал их в гости, радушно угощал обильным и вкусным обедом и дарил на прощание свои сочинения.

Хорошо знавший свои слабости, Хвостов сам первый смеялся над ними — в молодые годы, только вступив на поэтическую стезю, он сочинил «Эпиграмму на самого себя»:

Стихи писать
И их читать
Везде намерен.
В печать их никогда
не буду выдавать:
Не будет и меня
никто критиковать —
Я в том уверен.
Не может пострадать
певца такого честь,
Которого нельзя
расслушать и прочесть.

И не вина, а беда стихотворца, что он, уверовав в бесчисленные похвалы, сделался невольником лести и много позже, публикуя «Эпиграмму на самого себя», дополнил ее примечанием: «Автор не сдержал своего обещания, сделанного в молодости, единственно потому, что впоследствии многочисленные друзья автора и с тем вместе друзья российского слова заставили его изменить этому шутливому обету, и, напротив, все, все, все печатать он стал, что доказывается семью томами полных его творений».

Своей страстной и бескорыстной влюбленностью в поэзию Хвостов снискал расположение знаменитых писателей: «Я смотрю с умилением на графа Хвостова за его постоянную любовь к стихотворству,— писал Н. М. Карамзин.— Это редко и потому драгоценно в моих глазах. Он действует чем-то разительным на мою душу, чем-то теплым и живым. Увижу, услышу, что граф еще пишет стихи, и говорю себе с приятным чувством: «Вот любовь, достойная таланта! Он заслуживает иметь его, если и не имеет».

Умер Хвостов глубоким стариком, подготавливая к изданию восьмой том нового полного собрания своих творений. Еще при жизни его имя стало нарицательным — как плодовитого и бесталанного стихотворца. Однако Хвостов, мечтавший о славе, сумел все же добиться своего: благодаря талантливым эпиграммам и пародиям современников его вспоминали еще очень долго. Сбылось предсказание, сделанное некогда К. Н. Батюшковым: «Хвостов своим бесславием славен будет и в позднейшем потомстве».

Алексей КОРНЕЕВ.

С. ДЭННЕЛИ, «Тайм», США

ТРУДНОСТИ СОВЕТОЛОГОВ

Раньше и западным советоведам, и Крокодилу жилось куда проще: советоведы ругали нас, Крокодил — советоведов. Ныне мы с такой удалью поливаем себя сами, что у кремленологов уходит почва из-под ног. Они уже начинают потихоньку стенать, что, мол, не поспевают за нашей гласностью, что им самим пора перестраиваться.

Их «внутренним» проблемам и была посвящена статья в американском еженедельнике, которую мы перепечатываем с небольшими сокращениями.

Ученые-советологи университетов от Калифорнии до Кельна ощущают освежающее дыхание революции в научных кругах. Под воздействием перестройки и гласности советология перешла от брежневского застоя к стахановской сверхактивности, и западные преподаватели спешат перестроиться сами и перестроить свои методы. «Из-за политики Горбачева все наши основные посылки безнадежно устарели»,— заявила Дороти Аткинсон, директор Американской ассоциации славяноведения.

На протяжении 50-летней истории в советологии существовал удобный научный консенсус, на основе которого поддерживалось не вполне верное представление об СССР как о тоталитарной системе, а политическая атмосфера «холодной войны» и недостаточный доступ к точной информации содействовали жесткой ортодоксальности в интерпретации событий. Поскольку предметом изучения уже более не является монолит, советология должна теперь справляться с анализом серьезнейших политических трудностей в СССР, конфликтов на национальной почве, региональных конфликтов и экономики, оказавшейся в полном упадке. Устарели старые добрые методы кремленологии: псевдодетективное искусство перечисления фамилий тех, кто присутствовал на похоронах государственных деятелей, или чтения между строк статей в «Правде». Политолог из Университета Дьюка Джерри Хью, которому вместе с Арчи Брауном из Оксфордского университета ставят в заслугу то, что они спрогнозировали приход к власти в Советском Союзе реформаторского руководства, заявил: «Советология в прошлом вознаграждалась за то, что она была надежной, а не обязательно за то, что она давала верные оценки».

Сегодня ученые пребывают в болезненном смятении. Эллен Карбо Каррер д'Анкосс, сотрудница французского Национального фонда политических наук, отметила: «Ни исследования советских проблем, ни исследования коммунистических идей, применявшиеся нами ранее, больше не подходят».

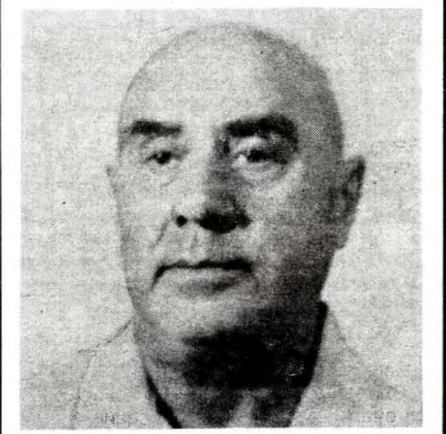
— Мы были обучены анализировать систему власти в том виде, в каком она существовала,— подчеркнул Х. Фогель, один из ведущих советологов Германии.— Сейчас мы даже не знаем, где именно находится средоточие власти — и это ставит нас в неловкое положение». Сумятица в этой области со всей очевидностью проявилась на международном совещании с участием 1600 специалистов по Восточной Европе и Советскому Союзу. В ходе этого совещания группа аналитиков марксизма, которые разъясняли перемены в советской системе, привлекла гораздо больше слушателей, чем заседание, посвященное советским Вооруженным Силам.

По иронии судьбы, хотя советологи знают теперь едва ли не меньше, чем раньше, им задают гораздо больше вопросов. Неожиданные реформы Горбачева вызвали на Западе огромный интерес и создали потребность в анализе и прогнозах. Ученые лихорадочно ищут новые подходы, чтобы объяснить существующие в Советском Союзе тенденции сотням любознательных журналистов, многочисленным государственным ведомствам и предпринимателям, нуждающимся в консультациях. «Если раньше мы были обычными людьми, то теперь стали VIP — очень важными персонами»,— сказал Владимир Андреев, преподаватель Парижского университета-1, который также возглавляет консультативное бюро, финансируемое государством.

В университетских городках преподаватели энергично перестраивают свои занятия. Джордж Бреслауэр, сотрудник Калифорнийского университета в Беркли, объясняет один из тактических приемов: «Сейчас очень легко добиться, чтобы тема всех заинтересовала. Я просто ставлю на первый план в своем курсе политику Горбачева, а потом возвращаюсь назад по истории». В английском Университете Кили изучение истории компартии с 1898 года было заменено курсом, который просто назвали «Горбачев».

После изучения в прошлом году состояния советологии в Англии был сделан вывод, что в результате перестройки Горбачева «впервые за всю историю России или Советского Союза стали возможными нормальные научные исследования».

Пока неясно, удастся ли прежней советологии выработать новые методы исследования советских проблем. Для корифеев этой науки существует опасность, что ветеранов-кремленологов будут оттеснять более молодые, менее идеологизированные ученые. Информационный взрыв и колоссальное расширение доступа к информации создают беспрецедентные трудности для представителей этой профессии. «Нужно какое-то время для того, чтобы переосмыслить все, чему вас учили на протяжении сорока лет, однако мне хотелось бы, чтобы мы более энергично старались разобраться в том, что произошло»,— подчеркнул Стивен Уайт из Университета Глазго. Тем не менее заниматься этой областью науки столь же трудно, сколь сложен предмет ее изучения, а Советский Союз, переживающий революцию,— это сложная и непредсказуемая система. Советологи знают о том, что ждет Советский Союз впереди, не больше, чем сам Горбачев.

ДЯДЯ БОРЯ

Ушел Борис Михайлович Юдин. Дядя Боря, как любовно называло его не одно поколение крокодильцев. Первые его строчки в журнале появились в 1934-м, последние — в 1990-м. Пятьдесят шесть лет творческой и душевной привязанности к одному журналу, одному коллективу, наконец, к одному жанру — это ли не жизненный подвиг человека, на долю которого выпало столько потрясений, бед, надежд и событий, сколько хватило бы не на одну, а на десяток жизней!

Он начинал учеником токаря на заводе имени Козицкого в Ленинграде. Комсомол призвал его под знамена молодой советской журналистики. По его репортажам двадцатых и тридцатых годов можно изучать историю родной страны. Он пишет в свои газеты с Апеннинского полуострова и Британских островов, одним из первых советских журналистов добирается в матросской робе до Соединенных Штатов Америки — и это тогда, когда между нашими странами не было дипломатических отношений. Журналистским Колумбом называли его коллеги.

С первого и до последнего дня майор Борис Юдин на фронте. Дни и ночи шагал он по фронтовым дорогам в обнимку с «лейкой» и блокнотом, а то и с пулеметом и дошел до рейхстага, где и оставил свой гвардейский автограф. Юмор и фронтовая закалка спасли Бориса Михайловича, когда он вынужден был четыре года провести в бутырской одиночке.

Чудовищная несправедливость не озлобила, не сказалась на характере и добрых чувствах Бориса Михайловича. Все, кто его знал, были навсегда покорены его доброжелательностью, обаянием, рыцарским благородством. И страстным желанием помочь каждому, кто к нему обращался. Работая в секретариате «Крокодила», он, мудрый и опытный наставник, дал творческую жизнь многим начинающим, а ныне известным поэтам-сатирикам.

Сам он был признанным мастером сатирического жанра. Его книги, оперетты, комедии и детские сказки по достоинству были оценены читателями и зрителями. Его изящные лирические произведения долгие годы с успехом исполняли корифеи эстрады.

Страстный оптимист, он до последнего дня мужественно сражался с недугами и невзгодами. Его мучила надвигающаяся слепота. Еще за неделю до смерти он требовал от врачей сделать операцию. Борис Михайлович не мог жить без работы.

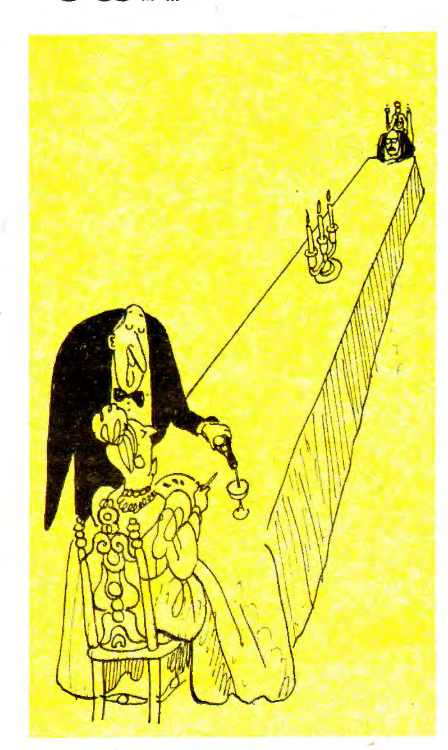
Три года назад в крокодильской книжке «Букет шиповника», выпущенной к его восьмидесятилетию, Борис Михайлович писал: «Стареть душою не годится... А годы все-таки идут. Не зря «безносая» кичится, что шансы у нее растут. Наш спор решится очень просто, хоть трудно предсказать его: вот доживу до девяноста, тогда посмотрим кто кого!»

Да, одолеть «безносую» на сей раз он не смог. И все-таки дядя Боря победил. Ибо навсегда останется в благодарной памяти всех крокодильцев, своих учеников и читателей.

Им. ЛЕВИН,
председатель совета ветеранов «Крокодила».

Коллектив редакции скорбит по поводу кончины старейшего крокодильца, заслуженного работника культуры РСФСР Бориса Михайловича Юдина.

WIT

— Мы с сэром Чарльзом подумываем о том, чтобы на время разъехаться.

УИЛЬЯМС, Лондон.

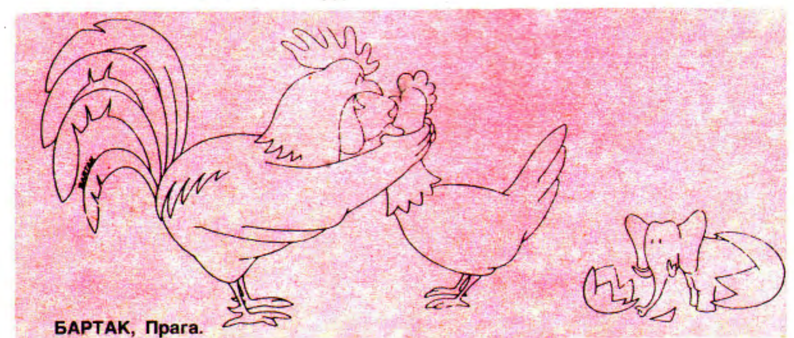

ЭФБЕ, Амстердам.

ОЛО, Варшава.

БАРТАК, Прага.

Джеймс ТЕРБЕР (США)

ТАЙНА ТОПАЗОВЫХ ЗАПОНОК

Рассказ

Когда патрульный внезапно подкатил на рычащем мотоцикле из ниоткуда (как обычно это делают все моторизованные полицейские в мире), человек стоял на карачках в густой траве и лаял, как собака. А женщина медленно ехала на автомобиле и притормозила метрах в сорока. Свет фар упал на мужчину средних лет, взъерошенного и явно не в себе. Он поднялся.

— Эй, что тут происходит? — спросил «фараон».

Женщина хихикнула.

«Чокнутая»,— подумал полицейский и даже не взглянул в ее сторону.

— Скорей всего они пропали,— драматически проговорил мужчина.— Я — ах! — не могу их найти!

— А что это было? — Полицейский нахмурился.

— Что я потерял? — Мужчина поежился.— Ну, понимаете, запонки, топазы в золотой оправе.

Он заколебался: полицейский, кажется, не поверил.

— У них был цвет легкого мозельского вина.— Мужчина надел очки, которые держал все это время в руках. «Чокнутая» опять хихикнула.

— Вы что же это, искали, значит, без очков? — поинтересовался полицейский. Он подрулил к обочине, пропуская машину.— Вам бы лучше тоже съехать с шоссе, миледи.

Она так и сделала.

— Я близорук,— объяснил мужчина.— В очках я могу искать вещи на расстоянии. А когда они близко, мне лучше без очков.

Полицейский спрыгнул с мотоцикла.

— Он лаял,— пустилась в объяснения женщина,— для того, чтобы я могла видеть, где он.

Полицейский и мужчина подошли к автомобилю.

— Вот уж что до меня никак не доходит,— сказал офицер,— так это то, как вы могли потерять ваши запонки в сорока метрах впереди вашей машины. Нормальные люди, если что-то потеряли, едут обратно, а не вперед на сорок метров.

«Миледи» опять засмеялась. А ее муж медленно забрался в машину, как будто боялся, что полицейский в любую минуту мог его остановить. Полицейский изучающе оглядел их.

— Та-ак. Были на вечеринке? — спросил он. Время было после полуночи.

— Мы не пили, если вы это имеете в виду.— Женщина улыбнулась.

Полицейский постучал пальцами по дверце машины.

— И никаких топазов вы, господа, не теряли,— наконец сказал он.

— А разве это что-то противозаконное, если человек стоит на четвереньках у дороги и лает вполне корректно? — поинтересовалась леди.

— Нет, мэм,— согласился полицейский. Однако он не торопился вернуться к своему мотоциклу. Было слышно попеременно рычание то автомобильного, то мотоциклетного двигателя.

— Ну, хорошо. Я вам объясню, как это было,— нервно произнес мужчина.— Мы заключили пари. О'кей?

— О'кей,— подтвердил полицейский.— Кто выиграл?

Опять воцарилась пульсирующая тишина.

— Эта леди,— произнес мужчина с достоинством, как будто вводил в курс только что нанятого на службу сотрудника,— утверждает, что мои глаза сверкнут, как кошачьи, если она внезапно проедет мимо меня по дороге. Видите ли, мы проехали мимо кошки, и ее глаза сверкнули. А у людей нет...

— Просто потому, что они были над светом, а не под ним,— вмешалась дамочка.— И у людей глаза должны сверкать, как у кошек, если свет направить под тем же углом.

Полицейский двинулся к своему мотоциклу, но тут же вернулся назад.

— Глаза кошек,— сказал он,— отличаются от ваших и от моих. Собаки, кошки, скунсы — все равно. Они могут видеть в темной комнате.

— Да, но не в полнейшей темноте! — возразила женщина.

— Нет, могут,— настаивал полицейский.

— Могут,— сказала женщина,— если в комнате есть немного света. Мы еще вечером заспорили; там был один профессор, так вот он сказал, что должен быть по крайней мере хоть слабенький лучик света.

— Возможно,— проговорил полицейский после торжественной паузы, натягивая перчатки.— Но у людей глаза никогда не сверкают. Я же каждую ночь проезжаю мимо сотен кошек и сотен людей.

— Но люди не стоят на четвереньках,— заметила леди.

— А я вот был уже близко к земле,— вмешался ее муж.

— Хорошо, а как вы посмотрите на то, что я вам сейчас скажу,— не унимался блюститель порядка.— Я видел диких кошек на деревьях ночью, и вот их глаза сверкали.

— Ага! — вскричал мужчина.— Вот и доказательства.

— Не вижу,— не сдавалась женщина.

Опять настала грозная тишина.

— Потому что глаза дикой кошки на дереве находятся выше, чем глаза человека.

Полицейский, возможно, согласился с этим, но женщина — нет, хотя оба промолчали. Полицейский взгромоздился на свой мотоцикл, завел мотор, но снова задумался. Он повернулся к мужчине.

— А очки вы сняли, чтобы стекла не сверкнули в свете фар, так? — спросил он.

— Так,— ответил человек.

Полицейский торжествующе помахал рукой и с ревом удалился.

— Хитрый парень,— раздраженно сказал мужчина своей жене.

— И все равно не вижу, что доказывает пример с дикими кошками,— продолжала жена. Супруг медленно тронулся с места.

— Послушай, ты утверждала, что все зависит от того, насколько низко находятся кошачьи глаза...

— Я этого не говорила. Я только сказала, что глаза человека находятся слишком высоко...

Перевод Ел. МИТИНОЙ.

— Дорого ли вам обходятся уроки дочери на пианино?

— Отнюдь. Они помогли мне купить соседний дом за полцены.

●

— Вы изучаете химию?

— Нет, это туалетный столик моей жены.

●

Женщина рассказывает механику гаража о неполадках в своей машине.

— Ну, на «пых-пых»,— подумав, отвечает механик,— не обращайте внимания, а вот «тах-тах» влетит вам в кругленькую сумму.

●

Гостья, глядя в окно:

— У вас был бы чудесный вид из окна, если бы его не загораживали горы.

●

Покупатель:

— Что означают 90 дней гарантии на эту вещь?

Молоденькая продавщица:

— Это значит, что если с ней что-то случится, то ремонтный рабочий придет к вам через 90 дней.

●

Электромонтер ученику:

— Возьми вот тот провод!

— Взял. Что дальше?

— Чувствуешь что-нибудь?

— Нет.

— Хорошо. Значит, под напряжением второй провод.

Из журналов «Вумэн» и «Вумэнс оун», Великобритания.

ИЗ НОВЫХ ПЕРЕВОДОВ КЛАССИКИ

Жан де ЛАФОНТЕН

ЖЕНА САПОЖНИКА

Сапожник Блазиус не так давно женат.
Жена — красавица,
Но был он небогат.
Однажды наша пара у торговца
Взаймы достала два мешка зерна
По векселю, с оплатою в два срока.
Срок первый наступил: пришел купец за долгом,
А денег в доме нет; и мужа тоже нет.
— Ну что ж, — сказал торговец юной даме, —
Пусть денег в доме нет, но вы поймите:
Чтобы меня с лихвой вознаградить,
Совсем не обязательно платить.

Я мог бы вас освободить от долга,
Если бы вы... со мною... ненадолго...
Ну, сами знаете, о чем тут говорить!
— Не знаю, что сказать...
Мне надобно подумать,—
Потупила красавица свой взор.
— Вот это разговор!—
Купец воспрянул духом
И, мимоходом почесав сапожницу за ухом,
Ушел к себе домой, надеясь на успех.
Меж тем сапожник возвратился
И, выслушав жену, ужасно возмутился:
— Черт побери!
Жена, постой минутку!
Мы с ним сыграем злую шутку!
Пойди сейчас к нему. Скажи, что я уехал.
Пусть он придет. Я спрячусь за сараем.
Скажи, чтоб он отдал тебе вначале вексель.
(И он отдаст, мы их породу знаем.)
А ты его порви. И тут же громко кашляй.
А от обиды я тебя избавлю.
Коль в доме появлюсь, пока он будет
Готовиться к взиманию расплаты!

Как ожидалось, так все и свершилось.
Муж в нужный миг на выручку явился,
Купец с позором тут же удалился,
А Блазиус потом смекалкою хвалился.
Тот случай на устах у всех довольно долго был,
Потом забылся.

Однажды благородный горожанин
Спросил жену сапожника-соседа:
— Зачем вы так поторопились кашлять?
Не лучше ль было знак подать чуть-чуть позднее,
Тогда б все трое были б не внакладе?
Попробуйте со мною все проделать
И не рассказывать об этом свету!
— Ах, — возразила женщина с улыбкой,—
Вы правы, что смеетесь надо мною;
Уж надо думать, ваша-то супруга
Не столь глупа, как я, простолюдинка,
Она бы уж не кашляла заране!
Так стоит ли со мной ее равнять?.

Перевел Ал. ЯКОВЛЕВ.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА!..

Руд ГУЛЛИТ

Каскад его ударов метких
Не зря потряс футбольный мир:
Такие футболисты редки,
Как в наши дни — голландский сыр!

А. САВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

Шарж В. МОЧАЛОВА.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Бросовая часть воздушного шара. 5. Родители пионеров (песен.). 7. Подруги калмыка (поэт.). 9. Доктор, которому постоянно объясняли элементарные вещи. 10. Предел надоедливости. 11. Нынешнее местонахождение воза. 13. Смена гардероба у меньших братьев. 16. Человек, открывший движение. 18. Шумное растение. 19. Человек, систематически выдающий на-гора (миф.). 21. Честь имеющий костюмчик. 23. Завидное чтиво (поэт.). 24. Учебное время (назидат.). 26. Задняя крепость. 27. Объект злой любви. 29. Вековая невидаль (клятвенн.). 30. День рождения дикарей (песенн.).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Пиковая дама. 2. Известная исполнительница жалобных песен. 4. Глаз кривой рожицы. 6. Потеря влюбленного. 8. Роль, в которой Винни-Пух был на высоте. 12. Любимое место (наступательн.). 14. Игрушка, которая плохо лежит. 15. Завравшийся аристократ (лит.). 16. Папенькин сынок (сказ.). 17. Трасса скоростного спуска для непрошеных гостей. 20. Дом Облонских с точки зрения кулинара. 22. Предел сытости. 25. То как зверь она завоет, то заплачет, как дитя. 28. Вечерний наводчик (песен.). 29. Накормленный лесной смотритель. 31. То, что осталось Д'Артаньяну на память о Констанции (киношн.).

Составили: Мих. МЕШМАН, Арк. ПЕККЕР, г. Винница.

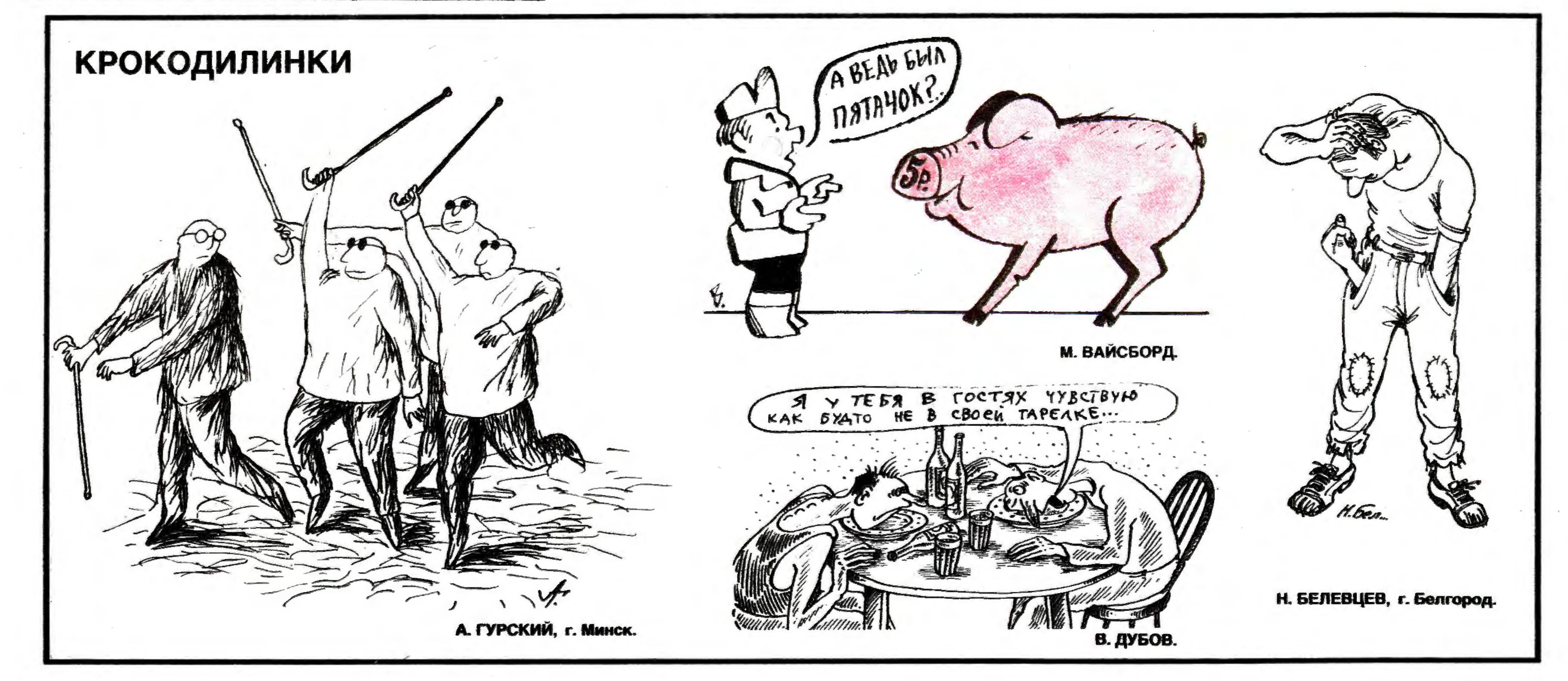

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Поп. 5. «Бис». 7. Пар. 9. «Сос». 11. Яго. 12. Ост. 13. Боль. 14. Тапер. 17. Гриб. 19. Лес. 21. Туз. 22. Йод. 24. Бог. 25. Пир. 26. Ковка. 28. Ода. 29. Календарь. 30. Тайна.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Пи. 2. Па. 3. Пиво. 4. Пять. 5. Бой. 6. Соха. 7. Поле. 8. Рог. 9. Стог. 10. Сани. 13. Бал. 14. Таз. 15. Пингвин. 16. Рой. 18. Бег. 20. Суп. 21. Турок. 23. Дробь. 24. Боа. 26. Кольт. 27. Анапа.

КРОКОДИЛИНКИ

А. ГУРСКИЙ, г. Минск.

М. ВАЙСБОРД.

В. ДУБОВ.

Н. БЕЛЕВЦЕВ, г. Белгород.

Дорогие наши читатели!

Не забудьте продлить подписку на II квартал. Девять номеров журнала обойдутся вам всего в

6.75

Такую сумму и в прошлом-то году нельзя было назвать деньгами, а в этом и подавно!

ВОТ ЭТО ДА!

75 коп. Индекс 70448.